ФАНТАСТИКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИЛОТА #2

МЕДИА КНИГА

АЛЕКСЕЙ РУДАКОВ

РЕКРУТ

Алексей Анатольевич Рудаков

Рекрут

Серия «Возвращение пилота», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65166397
Рекрут: МедиаКнига; 2021

Аннотация

Издательство «МедиаКнига» представляет книгу «Рекрут», вторую в новой серии «Возвращение пилота» – продолжении ставшего уже популярным цикла «Записки пилота» известного российского писателя-фантаста Алексея Рудакова.

Получив в свое распоряжение крейсер Империи и секретную Базу, Сэм Люциус начинает подготовку к атаке на своего врага – Древнего. И первый шаг – поиск финансов для организации этого дорогостоящего мероприятия. Устроившись грузчиком на орбитальную Станцию, Сэм приступает к выполнению своего плана, но когда удача улыбается ему, то судьба снова переворачивает доску, смешивая все планы – начинается Вторая Жабья Война, в которой Сэму предстоит принять участие в роли пилота штурмовика авианосца «Длань Гнева».

Читаем, лайкаем, активно комментируем!)

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 32
Глава 3 66
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Алексей Рудаков
Рекрут

© ООО «МедиаКнига», 2021

Глава 1

Пробуждение бывает разным.

Кого-то будет дребезжание будильника, кого-то звук включившегося телевизора. Есть и такие счастливчики, сигналом к пробуждению которых служит прикосновение губ любимой женщины и запах свежезаваренного кофе. Других, подобных тоже хватает, будит пронзительный «Мяяяв» оголодавшего котика, или нетерпеливое поскуливание пса, торопящего хозяина на утреннюю прогулку.

Я же, увы мне, не относился ни к одному из вариантов, перечисленных выше. Браслет-коммуникатор, дешёвый пластиковый ремешок, стягивавший моё запястье, сжался ещё сильнее и завибрировал, будя меня за пять минут до сигнала общей побудки. Недовольно всхрапнув, дёргаю рукой, отключая его – до подъёма ещё целых пять минут, как раз достаточно, чтобы медленно, без спешки, прийти в себя и выбраться из-под одеяла точно, когда по бараку разнесётся зуммер общего будильника.

Но…чёрт… Как же не хочется.

Край жесткого шерстяного одеяла, внезапно оказывается таким мягким и уютным, что я, не имея сил противиться, натягиваю его на лицо, желая продлить мгновенья сна.

Нет.

Браслет на руке коротко дёргается и мне приходится от-

кинуть край казённого одеяла в сторону – две минуты до сигнала. А раз две, то именно сейчас то самое время.

Какое?

Время выбираться наружу.

Зачем?

А затем, чтобы первому, пока мои соседи будут сонно копошиться в своих постелях, первому успеть в туалет. Всё же два десятка мужиков, не отягощённых культурой, но зато имеющих отягощённые кое-чем другим потроха, это ещё то испытание даже для меня, прошедшего жёсткую школу как военного училища, так и наёмной службы.

Да и начальничек наш, уважаемый господин Руллсон, первый суперкарго станции Эдмон, жуть как любит подгонять особо сонных своим любимым стеком. А это, доложу я вам, весьма и весьма болезненно – знает он, сволочь, куда и как бить.

Браслет дёргается в третий раз и я, рывком откинув одеяло, усаживаюсь на кровати.

Минута до сигнала. Самое время встать и не спеша, позёвывая, почёсываясь и загребая ногами, двинуться в сторону туалета. Ну а раз так – встаём.

* * *

Дребезжащий звон зуммера накатился на меня, когда я уже открывал заветную дверь.

Быстро юркнув внутрь, бросаю полотенце на раковину, занимая её и направляюсь в дальнюю часть комнаты, где в полу торчат дырки сортира. Да, здесь всё по-простому, без изысков. А чего вы хотите? Чтобы для грузчиков, маргиналов, дна человеческой породы и сортиры приличные делали?

Да. Именно так.

Я пребывал среди самого крайнего отребья, среди самого-самого дна человеческого сообщества этой реальности – среди станционных грузчиков, выполнявших свою работу взамен предоставляемого нам Станцией ночлега и трёхразового питания.

Это был тот самый край, ниже которого скатиться было просто невозможно. Даже отпетые уголовники – убийцы и насильники презрительно морщили носы, когда речь заходила о такелажниках, на чьих плечах, хочу заметить, держались все, ну почти все, грузоперевозки обитаемого космоса.

Несправедливо?

А что поделать – грубая физическая работа была здесь, впрочем, как и везде, не в почёте.

* * *

Из туалета я выбрался ровно в тот момент, когда основная масса моих товарищей, сопя и зевая со сна, двинулась мне навстречу.

– Люциус? – Стоявший подле двери господин Руллсон,

взмахнул стеком, подгоняя особо неторопливых грузчиков: – Уже оправился? Похвально!

– Рад стараться, господин суперкарго! – Вытянувшись в струнку замираю перед ним.

– И перегаром не разит, – заключил он, перестав морщить нос: – Знаешь, что я тебе скажу? – Очередной взмах стека и недостаточно расторопный такелажник взвизгивает, заработав багровую полосу на ноге: – Я за тобой давно слежу…эээ… как там тебя… Сэм?

– Так точно, господин суперкарго. Сэм Люциус. Как вы и изволили сказать! – Моей выправке может позавидовать любой строевой сержант.

– Да не тянись ты, – стек перекочёвывает ему подмышку: – Вижу. Стараешься. Не злоупотребляешь. Это правильно. Старшим бригады пойдёшь?

– Я?! Но, господин Руллсон? Вакуш хорошо справляется со своими обязанностями!

– Что здесь хорошо, а что плохо, – стек, выпорхнув из-под руки, упирается мне в грудь: – Решать мне!

– Так точно, господин суперкарго!

– Ладно, иди, – кожаная петелька на кончике стека толкает меня в скулу: – Работай. И помни – я за тобой слежу!

* * *

Завтрак, несмотря на отсутствие каких-либо изысков, был

вполне достоин. Всё же Станция, в лице своего руководства, понимала от кого зависит течение грузов и особо не скупилась на нашу еду. Простая каша, пара кусков хлеба, масло и кружка тёмного, горького пойла, именуемого здесь кофе – вполне достаточно чтобы дотянуть до обеда с супом, всё той же кашей и напитком, напоминавшим компот.

– Чего тебя Рулька строила? – Подсевший ко мне Ярис, мой напарник по ремню, вычищает свою тарелку куском хлеба.

– Предлагал бригадиром стать, – отвечаю чистую правду – врать смысла нет, всё одно новости здесь распространяются, обгоняя кварки света.

– О как! – Он косится на соседний столик, где Вакуш, наш нынешний бригадир, неторопливо и солидно допивает кофе: – И ты? Ну это? Согласился?

– А оно мне надо? – Отрицательно качаю головой: – Не, Ярис. Бригадир, это… Это… Не. Не моё. Ответственность. А я кто? Три класса образования и те не закончил.

– Зря. – Откинувшись на спинку, он закидывает руки за голову: – Впрягаться бы перестал, меня, – опустив руку, он хлопает меня по плечу: – К себе в замы.

– Подъём! – Завершивший завтрак Вакуш встаёт и народ, привычно ворча на его торопливость, начинает выбираться из-за столов.

– Сэм! Задержись. – Придерживает он меня за локоть и когда в столовой не остаётся никого, притягивает меня к се-

бе: – Ну?

– Что ну, господин бригадир?! Невиноватый я! Они сами предложили!

– А ты?

– А что я, господин бригадир?! Я никак перед вами не могу! Отказался!

– Точно? – Вакуш раза в два крупнее меня и мой комбез начинает потрескивать, когда его лапы, вцепившиеся в ворот, отрывают меня от пола.

– Точно, господин, бригадир! – Вяло трепыхаюсь: – Зачем мне это? Я же никто, да и так, как вы, не умею. Командовать. – Последнее слово произношу уже едва касаясь начищенных до блеска плиток пола мысками ботинок.

– Смотри у меня, – его кулак замирает перед моим носом: – Если что – я с тобой цацкаться не буду – раз и тушку туда засуну, где её вовек не найдут. Усёк?!

– Ага, – облизав губы пячусь прочь, что вызывает у Вакуша торжествующую улыбку.

* * *

Фууухххх.

Бреду по коридору в сторону нашего закутка с ремнями, карабинами и всем тем прочим, что необходимо грузчикам для исполнения своих работ.

Чёрт.

Утро явно не задалось. Сначала Руллсон, со своим предложением, затем Вакуш – такими темпами можно и до вечера не дожить. Здесь, на грузовых уровнях, человеку пропасть легче лёгкого. Забытые технические колодцы, щели меж палуб, уровни, отведённые под кабельные трассы – любая Станция имеет десятки, если не сотни подобных местечек, не нанесённых на планы. Сунь туда труп – он и столетие пролежать сможет, прежде чем кто-то, забредший туда, наткнётся на мумифицированные останки, или скелет, дочиста объеденный крысами.

А как же воскрешение, спросите вы?

Воскрешение? Ха! Это – для чистой публики, не для таких отбросов как мы. У нас и денег-то нет на подобное, не говоря уже о том, что на верхние уровни, те самые, где размещены мед центры, нас, такелажников, никто просто не пустит – вот ещё! Там же чистая публика, к чему им настроение портить.

Так что – «Memento mori», всплывает в памяти пословица из моей прежней жизни. Угу – именно так – помни о смерти, благо здесь, на нижних уровнях процветающей Станции всё просто пропитано её жёстким запахом.

* * *

Но, как и каждая вещь, наша работа имела две стороны – и если про тёмную я уже сказал, то сейчас самое время

упомянуть о её светлой части.

Да, Станция имела массу ходов, отсеков и коридоров, не нанесённых на планы, но хорошо известных нам – крысам человеческого сообщества. И, не буду скрывать, мы этим знанием пользовались. К нашему благу, разумеется.

За те пять месяцев, что я состоял в бригаде грузчиков, Вакуш, раза три поднимал нас среди ночи для приёма срочных грузов.

Ну а что такого? Бывает.

Срочный рейс, срочный груз – не будить же господина суперкарго из-за подобной мелочи? У него работа – ах, какая ответственная и важная, пусть выспится перед новым днём.

Мы уж сами. Как ни будь. Справимся.

И справлялись, расторопно выгружая из прибывших Аврор и иных небольших, но скоростных корабликов груз, упакованный в коробки и конты с серой, лишённой каких-либо маркировок, поверхностью.

И ещё как справлялись – перетаскивая их с посадочных палуб вглубь Станции, по отсутствующим на плане коридорам, да воздуховодам.

А что такого?

Таможенники, они ведь тоже люди, и тоже спать хотят – зачем таких важных господ беспокоить?

Ну а то, что после каждый из нас получил на карман по сотенке монет, так тут всё законно – переработка же. Тем более ночная. Кто ж задарма работать будет?

Не-не, господа хорошие, мы, может и совсем уж дно, но задаром пахать – это не к нам.

Что было в тех коробках я не интересовался – а оно мне надо? Меньше знаешь – ну, и далее по тексту.

В общем, эта сторона нашей работы, была куда как приятнее официальной части, позволяя нам разнообразить свой быт, как и кушаньями, отличными от казённого рациона, так и плотскими утехами, от которых я старался держаться подальше, в виду крайне маргинального вида особ, готовых осчастливить нас своими прелестями.

* * *

Впереди показалась площадка перед ангаром, и я прибавил шаг, спеша как можно быстрее влиться в толпу моих сослуживцев, нетерпеливо переминавшихся с ногу на ногу.

– Вижу, что все в сборе, – оторвался от планшета господин суперкарго, и, что было хорошим знаком, даже не отпустив в наш адрес привычного ругательства.

– Сегодня, господа такелажники, у нас весьма ответственное мероприятие, – планшет в его руке описал дугу, указывая на задраенные ворота ангара: – Загрузка инкассаторского транспорта!

Наша толпа одобрительно загудела и я, выдавил на лицо радостную улыбку, одновременно кляня своих вынужденных коллег за короткую память. За те пять месяцев, что я

трудился грузчиком, это была уже четвёртая подобная загрузка и не надо было быть гением математики, чтобы рассчитать периодичность происходящего, чем я, собственно, и занимался, отмечая в голове даты подобных событий.

– Да, именно так! – Планшет в руке Руллсона описал очередную дугу: – Грузим и рабочий день окончен. Обед и отдых до утра.

Радостное ворчание усилилось и мне, дабы не выделяться на этом фоне, пришлось изобразить нечто похожее.

Да, должен признать, будь я грузчиком, тем самым, опустившимся на самое дно, я был бы, без каких-либо сомнений рад.

А как же!

Быстро закидываем конты, раскрепляем, и всё – можно вернуться в отсек-барак.

Чем не радость?

А сделаем быстро, да чётко – глядишь и господин суперкарго расщедрится. На бутылочку чего-либо горячительного. Вполне может – прошлые разы-то – проставлялся!

Весело переругиваясь втягиваемся в ангар, проходя сквозь рамку металл-детектора. Он молчит – ни у кого из нас нет и грамма металла, чтобы нарушить его сон. Стоящий на страже полицейский мерно кивает головой, подсчитывая нас. После, когда мы все пройдём, он сверит свои данные с цифрой, переданной ему суперкарго, и только тогда, когда они совпадут, даст добро начать работы.

Ну а после, когда мы, отработав положенное, пойдём назад, всё повторится.

Стандартная процедура, рутинная как сама вселенная – а ну как кто-то решит сбежать?

Ага. В трюме. Зайцем.

Бред.

Можно подумать, что там, вне Станции, нас ждут райские кущи, полные красоток. Нет, такелажник, некуда тебе бежать, да и незачем – всё одно кроме как грузчиком тебе не устроиться. Так что – тащи свою лямку, да благодари руководство за койку и жратву.

* * *

В ангаре нас уже ждут конты, определённые под загрузку.

Их не сильно много – десятка полтора, но их внешний вид заставляет моё сердце учащённо забиться. Золотые, с боками, расчерченные косыми зелёными полосами, они под завязку забиты наличностью, которую банк отправитель перебрасывает своему отдалённому филиалу, разместившемуся в каком-то отсталом мирке, где электронные платежи не смогли вытеснить старые добрые хрустящие банкноты. В каждом из контейнеров не менее десяти миллионов – ничтожная сумма для галактического банка, и совершенно запредельная для любого человека, зарабатывающего себе на хлеб честным трудом. Что уж говорить о нас, радующихся лиш-

ней сотне кредитов.

Сглатываю, теребя ворот комбеза и Ярис, напарник, хохочет, хлопая меня по спине:

– Что, Сэм? Лакомый кусочек, да?

– Не для нас, – мотаю головой, отводя глаза в сторону: – Хотя да, ух, я бы замутил с такими деньжищами! – При этом я почти не вру. Как там говорили наши предки? Мене, текел, фарес? Исчислено, взвешено и поделено? Да, именно так. Бросаю быстрый взгляд на конты – стойте смирно, дорогие мои, ваше содержимое ждёт именно эта участь.

* * *

Но, хватит раздумий – начальник, уважаемый господин Руллсон, всем своим видом являет крайнюю степень нетерпения.

Ещё бы! Ему очень хочется заслужить похвалу господина старшего инкассатора, который прибудет на транспорте банка-отправителя.

Прошлые два раза, заблаговременно расставив конты в погрузочном порядке, что позволило закинуть их в трюм со значительным опережением нормативов, наш суперкарго был отмечен милостивой улыбкой и благодарственным кивком. Нам-то, такелажникам, на это пофиг – ну морду не набили – и на том спасибо, а вот для начальничка нашего подобные моменты были крайне важны. Кто знает, вдруг гос-

подин старший инкассатор, в очередной раз получив отменно оказанную услугу, нет, да и упомянет господина Руллсона там, На Центральной Планете Кантона? Как специалиста, на которого можно положиться? И вдруг слова его да упадут на благодатную почву – верные люди всегда же в цене?

И тогда…

То, что наш начальничек уже видел себя в кресле Грузового Директора Кантона, управлявшего течением грузов с пары десятков планет, было видно невооружённым взглядом.

Все эти мысли настолько открыто проступали на его лице, что мне приходилось сдерживать себя – соблазн подойти, и положа руку ему на плечо, рассказать о близком крахе его надежд, был велик. Весьма, замечу велик, особенно принимая во внимание мой план, ради которого мне пришлось завербоваться на эту работу.

Но – всему своё время.

* * *

– Шевелитесь! – взмах планшета выдаёт охватившую нашего суперкарго нервозность: – Вы! Бездельники! Вам выпал редкий шанс – прикоснуться к ТАКИМ деньгам! К которым вам, отбросам, не приблизиться никогда. Шевелитесь! Инкассаторы уже в системе и лично мне неприятности не нужны!

В этом он прав – команды этих кораблей, выкрашенных в

ту же гамму, что и ожидавшие их конты, особой мягкостью характеров не отличались. Бывали случаи – не знаю, страшилки то были, или правда, но ходили упорные слухи, про то, как где-то, на некой Станции, такие вот бравые парни поставили к стенке всю бригаду.

За что?

Да за нерасторопность и медлительность, проявленные не то при разгрузке, не то при загрузке контов с баблом.

Было так, или нет – не знаю, но вполне верю, в то, что подобное могло произойти. Уж больно круты были те, кому власть доверяла столь близкое общение с самым важным из своих рычагов – с деньгами.

* * *

Мы с Ярисом стоим у второго в очереди конта. Процедура проста – пропустить передний ремень сквозь проушины, пропустить, таким же образом, задний, затянуть оба стопорными замками, да активировать грав-компенсаторы – иначе эту махину нам с места не сдвинуть. Это мелкие коробки, да небольшие конты мы руками таскаем, а вот всё подобное – конкретно большое, только так – с компенсаторами. Каждый раз, когда эти небольшие коробочки оказываются у меня в руках я не могу сдержать завистливого вздоха – как бы раньше знать! Да с такими игрушками я б, ту Гусеницу, тот разбитый транспорт с рудой, выпотрошил бы моментом.

И не сказать, что коробочки эти – секретны. Нет, лежат себе в свободной продаже. Вот только продают их заведения, ориентированные на погрузо-разгрузочные работы, ну а я, в прошлом, туда и близко не подходил – незачем было.

* * *

Опутываем первый конт ремнями, готовясь активировать компенсаторы, как прибудет Банковский транспорт. Мой комм – дешёвая модель – пластиковый ремешок на запястье, вздрагивает подавая сигнал. Наклоняюсь над его боком и отскакиваю назад, хватаясь ладонями за лицо.

– Господин Руллсон, господин Руллсон, – начинаю частить, напустив на лицо озабоченное выражение: – Вот, посмотрите! – Тру бок конта ладонью, словно стирая грязь: – Да как же это, а? Господин Руллсон? Это не мы! Честно! Не наша смена! Мы и…

– Да отойди ты! – отталкивает он меня в сторону, наклоняясь над золотым боком: – Не видно же ни…

Хоп!

Выскочившая из рукава заточка упирается ему в горло и он, как был – в согнутой позе, замирает.

Откуда заточка?

Ха!

Да из рукава, откуда же ещё.

А детектор? Ну те, воротца на входе?

Так она – пластиковая.

Просто кусок сверхпрочного пластика, аккуратно заточенного с одного конца и обмотанного тряпками с другого. У нас всех, у грузчиков, такие есть.

Зачем? Ну мало ли, что отрезать понадобится? Канат там укоротить по месту, или чальный ремень подрезать. И вот, когда понадобится, тогда что? За инструментом бежать? Под нетерпеливые крики пилота и ругань начальничка?

А оно нам надо? Ругань в свою сторону слышать? За это и под ребро получить можно. Угу. Именно вот такой заточкой.

Вот. А так – завсегда под рукой. Вот прям как сейчас.

Слегка нажимаю на его горло, и почтенный господин Руллсон медленно выпрямляется, расставляя руки в стороны.

– Сэм?! Ты чё?! – выскочивший из-за конта Ярис замирает, не зная, что и делать.

– Ты что? Перепил? Горячка? – Начинает бледнеть он: – Так вчера ж, все, по маленькой принимали? И не более, чем…

– Отойди. Не мельтеши. – Киваю ему и нажав ножом на горло господина суперкарго, заставляю его отойти в сторону от конта: – И вы все! – Обращаюсь к бригаде, бросившей работу и замершей вокруг нас: – Всем – к стене! К той – дальней!

– Сэм? – К суперкарго возвращается голос, правда вот звучит он сдавленно. Ну а как иначе ему звучать, когда моё

лезвие щекочет кожу: – Ты что творишь? Ну убьёшь меня – и что с того? Я же реснусь. А вот тебя, Сэм, ждут…

– Убивать? – Перебиваю его и перехватываю нож так, что лезвие ложится ему на шею там, где под тонкой кожей бьётся ярёмная вена: – Убивать и не собираюсь. Я тебе связки вырежу. Голосовые, – делаю пояснение, понимая, что ответить ему, по вполне уважительной причине, сложно. Только шевельнись – заточенная полоса пластика мигом распорет плот, высвобождая фонтан крови.

– А затем, – продолжаю, облизнувшись: – Язык. Он, если ты не знал, у людей, длинный. Тебя, господин Руллсон, конечно вылечат. Но, – подмигиваю ему: – В соответствии со страховкой. А она у тебя – ай-ай-ай, эконом-два класса.

Его глаза расширяются от удивления, и я киваю, спеша разрешить эту загадку.

– Откуда я знаю? Я, уважаемый суперкарго, про вас знаю всё. И про мечту твою – вырваться отсюда и про любовницу из бухгалтерии. Угу, про Марту, про неё самую. И про то, сколько ты на чёрный день отложил. Но это всё лирика. Я про страховку говорил. Так вот, Руллсон – зря. Зря ты на ней экономил. Тебе, по ней, только шкурку заштопают – и не более. А вот язык новый, или там связки – не. И как ты нас материть будешь?

Вижу – проникся. Побледнел так, что скатерти в ресторане класса AAA+ обзавидуются.

Но и перегибать мне не стоит – а ну как вырубится? А мне

он в сознании нужен.

– Но ты не бойся, – снижаю напряжение в голосе: – Будешь хорошим мальчиком – останешься целым. И при связках и всём прочим. Я ж не зверь и не маньяк какой, – в последнее он не верит, это хорошо видно по выпученным глазам, но мне пофиг на его мнение: – Ты вот что, – продолжаю, шагнув ему за спину и прижав лезвие остриём к его шее: – Планшетик свой возьми, так чтобы я его видел… вот умничка, – планшет оказывается перед нами: – Да ворота номер четыре открой.

* * *

Надо заметить, что ангар, определённый под место передачи груза инкассаторам, имел несколько выходов. Так было заведено ещё с тех времён, когда здесь, в Системе Бимпа, денежные потоки текли в полную силу. Тогда, во времена Империи, сюда одновременно могли прибыть сразу несколько полосатых бортов, спеша освободить свои трюмы от банкнот, приняв взамен, слитки, кристаллы, или меха – в общем всё то, чем местное население могло уплатить Имперские сборы, получив взамен наличность. И не раз в четыре недели, а почти ежедневно – богатевшее население исправно отстёгивало невысокий процент, видя заботу Императора.

Про то, как иссяк этот ручеёк сейчас – говорить не буду, уверен, что картина всем, и без того более чем ясна.

Но хоть денежные потоки и уменьшились, инкассаторы, храня верность традициям, продолжали прибывать именно к этому ангару, не желая его менять на любые иные, пусть даже и более удобно расположенные палубы.

* * *

– Давай-давай, – я чуть прижал ножом его шею: – Четвёртые ворота открывай.

– Там…же лайба залётная, – попробовал протестовать суперкарго, в голове которого начала складываться картина происходящего: – Она же в ремонте… – лезвие ножа чуть сместилось, рассекая кожу, отчего он тут же взвизгнул. Больше, конечно, от страха – убивать я никого не собирался – зачем мне трупы. Но и такой малости – в виде струйки крови, побежавшей вниз по шее, было более чем достаточно.

Больше понуканий не потребовалось – короткий бег дрожащих пальцев по экрану – своё дело Руллсон знал отлично, и нужные мне ворота принялись раздвигаться, унося в стены половинки жирно и ярко нарисованной цифры.

Этого момента ждал не только я – стоило створкам разойтись на расстояние, позволявшее проскочить человеку, как оттуда, из темноты четвёртого ангара, выскочил почти десяток человек. Сжимая в руках короткие карабины с примкнутыми штыками – увидев их блеск, я невольно поморщился – Олин, командир моих абордажников был падок на зрелищ-

ные приёмы, бойцы, быстро распределились по помещению, контролируя всех присутствовавших.

Впрочем, в последнем не было никакой необходимости – почтенный Руллсон и без того был недвижим аки древняя статуя, ну а что до грузчиков, так те, стоило только стволам и штыкам нацелиться на них, поспешно вжались спинами в стенку ангара задрав руки над головой.

– Капитан, – Олин, подбежавший ко мне, чётко козыряет: – Мы контролируем ангар. Ваш крейсер у входных ворот Системы. На нём сыграли Боевую Тревогу – все посты наготове. Какие будут приказания?

– Действуем по плану, – киваю ему, одновременно убирая заточку и стараясь сдержать усмешку при виде вытянувшегося лица суперкарго, к горлу которого сейчас приставлены сразу два штыка.

– Я уверен, что эти милые господа, – показываю на монтажников у стены: – Не откажут нам в демонстрации своих навыков. А, господа? – Взмахом руки подзываю к себе Яриса: – Ну что, старина, покажешь класс?

– Эээ…

– Чего завис? – Пытаюсь дружески пихнуть его в плечо, но мой напарник, вот всего несколько минут назад, общавшейся со мной весьма вольно, пятится назад, по рыбьи разевая рот.

Так. Отлично.

Можно подумать, что я, стоило одному человеку объявить

меня капитаном и упомянуть о крейсере, готовом испепелить здесь всё, так я сразу изменился, став раза в три выше и шире в плечах. Ага. И с молниями из глаз.

– Вакуш, – поняв, что от напарника толку мало, подзываю к себе бригадира. Он, в отличии от Яриса, держится более уверенно.

– Ставлю задачу, – помня о его военном прошлом, перехожу на понятный ему язык: – Конты – в транспорт. Транспорт – в четвёртом ангаре. Исполнять!

– Так это… Ваше… – Мнётся он на месте: – Так они ж для инкассаторов?! А вы, со всем уважением, – он косится на штык, возникший напротив груди: – Вы же разве инкассатор? Нешто можно так? Чужое?

Угу. Понятно.

Отступаю на пару шагов.

– Такелажники! Вы, те, с кем я ещё вчера делил кусок хлеба и глоток воды! К вам обращаюсь я – капитан крейсера Империи! И я, согласно Своду Уложений Империи, параграфу семь, подпункту три А и В, провожу экспроприацию данных средств. Заверяю – своим словом, что средства будут потрачены на благо человечества и Империи!

Делаю паузу, оглядывая полные растерянности лица. Ну да, мои бывшие товарищи явно потеряны в этом потоке малознакомых слов. В отличии от господина суперкарго, внимательно и жадно ловящего каждое слово.

Может его прирезать? Проскакивает в голове короткая и

холодная мысль. Вывезти, и в системе, где нет ресалки, кончить. Он ведь молчать не будет, ясно видно, что он готовится самым детальным образом передать мои слова – как следакам, так и журналистам, которые примчатся сюда, получив известие о произошедшем.

А как же?

Ограбление! Да какое – открыто совершенное офицером флота Империи! При множестве свидетелей!

Хм…

А может их всех? В смысле вывезти и за борт? Эта загадка вполне на тайну века потянет. Как же почти десяток контов с баблом, плюс бригада грузчиков вместе с суперкарго! И ведь не сбежали с деньгами – ДНК-то ни где не проявится?

Ух…

Дух захватывает от обилия гипотез, которые местные эксперты насосут из своих пальцев.

Вот только начинать свой путь с крови как-то не хочется. Даже с крови таких отбросов. Это люди, и не след мне своих подданных, пусть и будущих, так легко жизни решать. Мне власть на штыках гвардии не нужна. Нет.

– Бригадир! Приказываю! К загрузке приступить!

От этих слов Вакуш дёргается и, в следующий момент ангар наполняется привычным уху грузчика матерком. Не стесняя себя в выражениях он, подгоняет команду – надо отметить, что со стороны работа моих бывших товарищей производит более чем благоприятное впечатление – действуя сла-

женно, как части единого механизма, они быстро, без излишней спешки и суеты, затаскивают конты в трюм транспорта, реквизированного Самиком для этой операции.

* * *

Позже я узнаю, что хозяин этого корабля, в накладе не остался – сев играть в карты с Мозусом и слив ему корабль, капитан банально напьётся до отключки, придя в себя, только когда транспорт, выполнив нужную нам работу, останется висеть в пустоте. Да, приятно иметь в команде профи, чьи интересы простирается несколько дальше прямых обязанностей.

Ага, таких как Мозус, зарабатывавший на жизнь карточными фокусами и как доктор, легко смешавший снотворное, напрочь стёршее из памяти неудачливого игрока все воспоминания о событиях последних дней.

Да, незадачливого капитана, ждало полное отсутствие воспоминаний и неприятное будущее в виде свидания со спецслужбами, весьма заинтересованными в его версии произошедшего – скрывать бортовой номер корабля мы и не пытались, официально, с полной идентификацией, осуществив посадку в ангар номер четыре.

* * *

Процесс погрузки особо описывать не буду – кому интересна эта рутина. Всё прошло штатно, и наш транспорт, запросив добро у диспетчеров, покинул Станцию, строго соблюдая все положенные моменту требования. Но как бы мы не стремились завершить операцию тихо, не привлекая прежде времени чьё-либо внимание, судьбе было угодно влить в нашу бочку мёда здоровенный половник дёгтя, едва не приведший к нулю всё мероприятие.

Виновником был инкассатор, с которым мы столкнулись нос к носу, едва отвалив от посадочной платформы. Впрочем, с точки зрения экипажа полосатого транспорта, виновниками были именно мы, осмелившиеся нагло оказаться у них на пути.

То, что мы, как покидающие Станцию, имеем приоритет, инкассаторов не интересует, о чём они немедленно сообщают нам, ведя передачу на открытой волне.

– На лайбе! – Экран видеосвязи остаётся чёрным, подчёркивая презрение банковского служащего к нашим персонам: – Куда прёшь?! В сторону, шваль ржавая!

– Какой он грубый, – Самик, пересевший за рычаги транспорта с борта крейсера, морщится, неодобрительно качая головой: – Мы же по всем правилам идём. Откуда их только набирают.

– Тихо, Самик, тихо, – кладу руку ему на плечо: – Не с нашим грузом шум поднимать. Дай мне микрофон.

Пробурчав нечто неразборчивое, но несомненно неодобрительное, он вытягивает из гнезда шнур с дырчатым шариком на конце.

– Говорит транспорт… – Запинаюсь, не зная названия корабля, но секундой спустя продолжаю, наплевав на такие мелочи: – Простите, великодушные господа. Мы немедленно уберёмся с вашего пути, путь это и приведёт к нарушению правил маневрирова…

– Прочь пошёл! – Рычит мне остающийся невидимым инкассатор и я вижу, как начинает багроветь шея моего пилота, не терпящего подобное отношение.

– Правила для таких лузеров как ты, – тоном, полным пренебрежения, роняет полосатик, а наш борт, повинуясь движению рук Самика, начинает отворачивать в сторону, послушно освобождая посадочную платформу.

– Так бы и сразу, – видя наши манёвры продолжает он и тут Самик срывается – наш транспорт, вместо того, чтобы тихонько ползти прочь, выбрасывает из дюз длинные языки пламени, мгновенно заключающие полосатый корпус в свои объятья. Огненный плен длится считанные секунды – совершенно безвредные для корпуса корабля и весьма неприятные для психики того, кто окажется внутри подобного кокона.

Наш кораблик срывается с места и мне, чтобы удержаться

на ногах, приходится хвататься за спинку пилотского кресла. Вслед, из динамиков, несётся многоголосый вопль, но он адресован не нам – бравые инкассаторы, оказавшиеся внутри бушующего пламени, визжат от страха.

Успокаиваются они только когда пламя исчезает. Короткая пауза и эфир наполняется угрозами, обещаниями всевозможных кар и всем прочим, что можно назвать сотрясением воздуха, окажись таковой за бортом. Поток ругани пресекает механический голос бортового оповещателя, который, исполняя свой долг разносит по окрестностям информацию о крайней загазованности помещения и необходимости включить усиленную вентиляцию.

– Обосрались, – слышится чей-то голос и это короткое слово рождает лавину смеха, в которой тонут гневные окрики обделавшегося экипажа.

– Ну, Самик! – Грожу ему кулаком: – Ну вот какого чёрта?! Не мог просто отойти?

– Прости, – уйдя в прыжок, который должен окончиться у Врат, он разворачивает своё кресло ко мне: – Не мог поступить иначе. Таких… – он на миг смолкает, а после машет рукой: – Учить таких надо. И вообще, – его рука вытягивается, указывая на дверь рубки: – Посторонних прошу покинуть рубку.

– Самик!

– Идите, командир, идите, – поднявшийся со своего места Олин, принимается выталкивать меня прочь: – Вам и пере-

одеться надо, и, – поморщившись, он зажимает нос: – Душ принять не помешает.

– Так! – Растопырив руки, упираюсь в проём двери: – Это что? Неуважение к своему командиру? Вам что – делать больше нечего, чем меня нюхать?

– Конечно есть! Этим мы и займёмся, командир! – Ловко сбив мои руки, он выталкивает меня в коридор.

– Эй, Олин! Я не это сказать хотел! – Замолкаю, видя перед собой металл рубочной двери:

– Ладно, сочтёмся, – киваю на дверь: – Вот на базу прибудем, там я вам устрою.

Одна из дверей, ведущих в каюты экипажа транспорта, приоткрыта и я, толкнув створку, захожу внутрь.

А тут меня ждёт сюрприз. На стене, прямо напротив входа, висит на плечиках тщательно отглаженная форма капитана крейсера. Моего крейсера – «Ласкового Дождя», сейчас ждущего нас по ту сторону врат. Делаю шаг вперёд и… И едва не падаю, споткнувшись о пластиковый таз, на дне которого обнаруживаю мочалку и кусок мыла.

Что ж. Намёк ясен более чем. Сбрасываю на пол пропотевший комбез и направляюсь в крошечную ванную комнату, спеша привести себя в порядок прежде чем наша скорлупка состыкуется с крейсером.

Глава 2

Гвалт, поднятый в СМИ спустя несколько часов после нашей стыковки с крейсером, заставил бы сдохнуть от зависти птичий базар планетарного масштаба.

Ухх…

Какие только гипотезы не выдвигали объявившиеся на экранах новоявленные эксперты, причём некоторые из них мне были уже знакомы по шумихе, поднятой вокруг картин того самого Ван Гахена. Глядя на то, как эти личности, прежде важно рассуждавшие об его творчестве, сейчас во всю костерят нас, я не знал – плакать мне, или смеяться, видя подобную многостаночность. Впрочем, положив руку на сердце, разве я судья им? Каждый зарабатывает как может, и кто знает, был бы я лучше, оказавшись в их штанах.

Но надо отдать должное – полёту их фантазии можно было только позавидовать, вот только ни одно из высказанных ими предположений не отвечало реальному положению вещей. Вариантов было море, начиная от банальных грабителей, сорвавших огромный куш, и до цирковой труппы гипнотизёров, сумевших ввести в транс всех находившихся тогда в ангаре.

Но самой экзотический из всех версий была та, где подобную кражу приписывали жабьему спецназу, принявшему, благодаря усилиям жабьих же хирургов, вполне челове-

ческий вид.

О да!

Эта тема долго не сходила с новостных лент. Ведь они кто? Вопрошали эксперты, буравя зрителей требовательными взглядами. Враги! Враги рода человеческого! Так что странного, что именно эта раса решила запустить свои скользкие лапки в наши карманы? Вы сами видите – на экранах появлялись монтажники, и я в их числе. Видите, как они двигаются?! А теперь посмотрите в окно – разве так ходим мы с вами? Мы – нормальные люди?!

Доля правды в этих словах была.

Но только доля, и только для тех, кто проводил всю свою жизнь на поверхности, лишь изредка оказываясь среди звёзд. Гравитация, ровная и постоянная на планетах, не была константой на станциях и, тем более в ангарах, когда там проводились погрузочные, или ещё какие тяжёлые работы. Обычно, для облегчения наших задач, гравитацию там снижали вполовину, или на две трети, что, как вы уже понимаете, кардинально меняло и координацию, и походку, и…

Да решительно всё то, на что указывали пылавшие праведным гневом эксперты.

Спорить с ними, а тем более предлагать самим пройтись по палубе, где «Же» лишь треть от нормы, было бесполезно. От таких предложений они просто отмахивались, а если кто-то, обладавший критическим взглядом на вещи, настаивал, то такого смельчака мигом записывали в пособника репти-

лий, со всеми неприятными последствиями.

Не буду скрывать – наблюдать эту вакханалию упёртости и зашоренности, было грустно, но положительный момент, особенно вкупе с кругленькой суммой в трюме нашего крейсера, настраивали меня на благодушный взгляд.

* * *

Но всё же, прежде чем двинуться дальше, не могу не остановиться на нескольких, на мой взгляд особо выдающихся моментах.

Прежде всего хочу сказать пару слов о том забулдыге, кораблём которого мы воспользовались.

Тот капитан, несмотря на то, что он обожал большую часть времени проводить в состоянии алкогольной комы, выбрался из этой передряги с приличным наваром. Частично протрезвев, и, относительно проснувшись, он двинулся к ближайшей Станции, спеша похмелиться, дабы снять терзавшие его симптомы. Там, стоило ему выйти из корабля, его и приняли как есть – то бишь с конкретным выхлопом и сонного, но предъявить что-либо кроме обвинения в злоупотреблении алкоголем, не смогли. Все анализы, все допросы, в том числе и под гипнозом, лишь подтверждали его слова о злоумышленниках, обыгравших его в карты и напоивших до бесчувствия.

А раз так, то – он жертва.

Несчастный, слабый человек, раб привычек, угодивший в лапы злодеев и отставленный в живых лишь ради того, чтобы пустить следствие по ложному следу. Хочу повторно заметить, что уж кем-кем, а тупицей тот капитан не был. Начав с продажи своих интервью различным каналам, он договорился до того, что Первый Галактический, взявшийся лично расследовать кражу века, выкупил его транспорт как вещественное доказательство и после провёл не один десяток передач с его борта моделируя высосанные из пальца, гипотезы.

Угу – все, включая даже жабью, с актёрами изображавших жаб, и для того обряженными в жёлто-зелёные костюмы.

В общем, в накладе тот капитан не остался.

* * *

Другим, вернее другой, неплохо приподнявшейся на этой шумихе, была симпатичная певичка, прежде прочих выпустившая хит о такелажнике, сорвавшим куш. Незатейливая песенка, где главной темой был припев: – «О такелажник, сладкий такелажник, возьми меня, возьми меня скорей», продержался в топе почти три недели. Не скрою, просматривал я этот ролик с удовольствием – девчушка, одетая в рваный комбез, сквозь дыры которого проглядывали привлекательные формы, была хороша. Несколько портили картинку мальчики из подтанцовки – отлично прокаченные, лосня-

щиеся и перетянутые кожаными ремнями – так, наверное, режиссёр обозначил наши рабочие ремни, они танцевали за певичкой изображая нечто такое, что, по мнению всё того же режиссёра, должно было походить на нашу работу.

Ну что я могу сказать? Только одно, подражая прославленному автору знаменитой актёрской школы прошлого – «Не верю!».

Впрочем, пофиг. На мальчиков, этих, конечно.

Вот девица – то да, совсем иное дело.

Хочу заметить, что певичка, взлетев на вершины чартов, принялась раздавать интервью, в которых она не раз и не два клялась открыть свои объятья тому самому парню. Такелажнику, докеру – тому самому, сумевшему провернуть это дельце.

Понятное дело, что всё это было пустым трёпом, но не стану скрывать – слушать подобное мне, задумавшему и провернувшему всё это, было лестно.

Что ж. Может звезды сойдутся, мы встретимся, и тогда – вот честно, припомню красотке все эти обещания.

* * *

На последок, завершая затянувшийся обзор СМИ, хочу заметить, что нас, я имею в виду, объявленный во всеуслышание факт причастности к делу Имперского крейсера и его капитана, от этого разом и как-то дружно, открестились все

каналы. Этот вариант, я повторюсь, о нашей причастности, даже не пытались проанализировать, сходу объявив провокацией и бредом, что немедленно подтвердили эксперты, заверившие зрителей в отсутствии оснований в нашем существовании. Вот словно и не было нас. Словно это не мы, всего полгода назад, триумфально возвратились из небытия, вызвав нешуточный переполох в тех же самых СМИ.

Не было такого и точка! Следующую версию заносите!

Причину такого отношения понять было сложно. Создавалось полнейшее впечатление, что некто, державший в руках ниточки, на концах которых болтались ключевые фигуры всех СМИ, потянул за некоторые из них, отчего неподкупные правдоискатели мигом заткнулись, развернув свои длинные носы в совершенно ином направлении.

* * *

Как по мне, то от всего этого воняло, прямо-таки смердело Древним, всеми способами начавшего ограничивать нашу популярность. А она, замечу, поначалу была велика. Те самые СМИ, что прежде захлёбывались от восторга, живописуя наше появление, быстро смолкли, переключившись на иные темы. Конечно, кому интересен вынырнувший из прошлого крейсер, когда две системы готовятся к войне, не сойдясь во мнении относительно плавок?!

И речь не о металлургии, а о мужских купальных трусах.

В одной предпочитали туго обтягивающие, облегавшие тело плавки, а вот в другой – в соседней, носили свободные, а-ля семейные труселя почти по колено.

Вот из-за этого различия две системы и были готовы вцепиться друг в друга – премьер одной, прибыв с визитом в другую систему, решил провести выходные на пляже, оказавшись на котором продемонстрировал всем туго обтянутые тканью бёдра и чресла. Патриоты, местные, разумеется, немедленно увидели в этом оскорбление, развращение, покушение – последнее касалось духовных скреп, в общем всё то, что только можно было притянуть к данному случаю. Премьера немедленно окрестили лицом с не той ориентацией, пошли карикатуры и он, оскорблённый до глубины души, ретировался с планеты, прихватив с собой посла.

Любители труселей отозвали своего. Сторонники плавок потребовали извинений и наказания особо рьяных патриотов. Ответом был совершенно предсказуемый отказ, за которым последовал разрыв отношений, прекращение сотрудничества и… И венцом ко всему – приведение флотов в полную боевую готовность.

Бред?

Без сомнений. Но именно он сначала затмил собой новости о нашем появлении, а после и вовсе полностью вытеснил всё касаемо нас, принявшись забивать головы зрителей сравнениями флотов, да прогнозами экспертов.

Приложил ли к этому свою псевдоподию Древний?

Я считаю, что да. Эта зелёная тварь вполне могла раздуть войну из совершеннейшего пустяка, дабы лишить нас популярности и, как следствие, ослабить меня перед гипотетической атакой.

Но это моё мнение, а вам, дорогой читатель, моя паранойя уже давно и хорошо известна.

Ну а теперь, после этого небольшого экскурса в местные СМИ, вернёмся к текущему моменту.

* * *

Оказавшись на борту «Ласкового Дождя», я пребывал в приподнятом настроении. Имея на то, замечу, полное право. Куш, весьма вкусный, был перегружен в трюм, крейсер держал курс на базу, так чего печалиться?

Да, ещё один момент.

О нашей базе, той самой – старой Имперской, расскажу чуть позже – в соответствующий момент. А сейчас, надеясь на то, что все сторонние вопросы прояснены, вернусь к основной теме.

Так вот.

Продолжая оставаться в хорошем настроении, я двинулся к кают-компании, где, как известил меня мой комм, собрались все старшие офицеры. Для планового совещания – так было написано в сообщении, и я, предвкушая заслуженные похвалы, местами переходящие в овации, победно улыбаясь,

откатил дверь кают-компании.

М-да…

Лица моих товарищей украшали отнюдь не радостные улыбки.

– И что всё такие кислые? – Усевшись во главе стола, я подтянул к себе чашку, куда Пол, наш кок, немедленно налил чая, приятно пахнувшего неизвестными мне травами.

– Бабло – на борту, – помешивая ложечкой чай, принимаюсь откровенно разглядывать собравшихся, всё ещё надеясь, что их грусть напускная, что это всё шутка и вот сейчас, вот прямо вот-вот, они сорвутся со своих мест и наперебой примутся поздравлять меня с завершением операции: – Или – не на борту? Свенн? – Перевожу взгляд на нашего главного механика: – У нас дыра в трюме? Конты с баблом – тю-тю?

– Да на месте они, – морщится он в ответ, отводя взгляд в сторону: – Куда же им деться.

– Ну и отлично! Кстати, – киваю Полу: – Сколько мы заработали?

Бугристое лицо идёт волнами и Горелый – это прозвище я не забыл, чуть помедлив, отвечает:

– Восемьдесят шесть миллионов наликом и ещё тридцать два в ценных бумагах, – присев на край диванчика, он зачем-то добавляет: – В номерных.

– Итого – сто восемнадцать, – подвожу итог: – Отменно! На всё хватит! Ну, уважаемые? – Салютую всем чашкой: – Чего грустим? Я, признаюсь, рассчитывал куда как меньше

загрести.

– Сэм, – Пол ставит свою чашку на стол: – Ты что? Не понимаешь? Это наличность.

– Наличность, – настороженно глядя на него, киваю: – И что с того? Это же деньги. Настоящие. Не подделка. Или не так?

– Да всё так, морщится он и бугры на его лице принимаются маневрировать, то бледнея, то краснея: – Что мы с наличкой делать будем?

– Как что? Ну вот ты – ты же новый камбуз хотел? И склады со стазис камерами? Пиши заявку! – Расплывшись в улыбке, откидываюсь на спинку стула: – Завизирую! Нет! Все пишите! Все, всё что вам нужно! И поспешите, – продолжая улыбаться шутливо грожу всем пальцем: – Пока ваш капитан в отличном настроении!

– Он не понимает, – совершенно не разделяя моей радости, поникает головой Пол: – Свенн? Может ты растолкуешь?

– Попробую, – Свенн, нахмурившись, качает головой: – Ммм… Сэм? Как ты думаешь? Сколько новый камбуз стоит?

– Ну… – Пожимаю плечами: – Ну… Понятия не имею. А это важно? Пусть хоть миллион! А, Пол? – подмигиваю ему: – Камбуз за миллион – хочешь? И столовые приборы – с ручками из хрусталя?

– Сэм! – Одёргивает меня Свенн чуть менее почтительно чем следовало бы при обращении к капитану и Императору,

пусть последний пока – только формально.

– Сэм! Ты представляешь сколько места занимает один миллион наликом? Больше кубометра. А весить будет…

– На транспортную платформу погрузим, – отмахиваюсь от его слов, ощущая, как по спине начинает ползти неприятный холодок.

– Я уже не говорю, – продолжает морщиться Свенн: – Что считать такую гору банкнот будут ой, как долго. Вернее сказать – не будут. Считать не будут. И знаешь почему?

– Ну?

– Потому, что пошлют сразу.

– Как это – пошлют?! Это же деньги! Настоящие.

– Это – грязные деньги, понимаешь? Откуда у тебя столько наличности на руках? А вдруг ты – бандит, или торговец наркотой?

– Так я… Я скопил! Во всё себе отказывал и…

– Справку о доходах покажи, – парирует он: – Или выписку со своего банковского счёта, откуда миллионы снял. Нет такой? Тогда, – развёл он руками, играя роль продавца: – Сожалею, но вам лучше уйти. Или мы вас полиции сдадим.

– В лотерею выиграл, – мрачнея, в его словах была логика, высказываю предположение: – Джек-пот сорвал.

– В какой именно? Говорите, а мы проверим.

– В казино?

– В каком, когда?

– Блин! Свенн! – Чуть привстав, грожу ему кулаком: – Ты

вообще, на чьей стороне?

– Да все мы на одной, Сэм, – качает он головой: – Я же не спорю – дело ты придумал и провернул отлично. Вот только делать с призом нечего. Даже парням раздать не сможем – поедут они по курортам, шиковать начнут, тут их и возьмут. На какие шиши пируете? Вы же, кроме своей пенсии копеечной, другого дохода не имеете. Понимаешь? – Грустно улыбнувшись, развёл он руками: – Деньги есть, но потратить их мы не можем.

– Обналичить? Тьфу – наоборот? Мы так можем?

– Ни один банк на такое не пойдёт, – качает головой Свенн: – Лицензию моментом отберут.

– Эээ… Заключить договор с кем-либо на… – кручу в воздухе пальцем: – На работы. И сорвать их выполнение. Левый договор, конечно. Нет. Бред.

– Не бред. Только контора должна быть в офшоре. Впрочем, нам этот вариант не подойдёт – там все под колпаками спец служб. Вычислят кто мы и откуда бабло моментом.

– Не вариант, – кивнув ему, поворачиваюсь к Полу, хорошо помня криминально прошлое нашего кока:

– Пол? А твои бывшие товарищи? Они отмыть смогут?

– Отмыть-то смогут, – недовольно кряхтит он: – Вот только…

– Что только? Говори.

– Половину заберут.

– Много.

– Такое считается нормальным. – Разводит он руками: – Они наличку через свои магазины и бары пустят, а нам, – он кивает: – По договору на… да хоть на консультации по оформлению витрин, уже легально заплатят. Извини, – отворачивается он: – Но только так.

– Может нам самим? Ну магазинчик открыть? – Свенн, немного светлеет лицом: – Легальное бабло у нас есть – немного, но для открытия небольшой лавчонки хватит. Выберем мир по тише, или Станцию где ни будь в дыре, и…

– И года за два-три отмоем, – перебивает его Пол: – Не думаю, что наш капитан на такое согласится, – мотает он головой в мою сторону, но мне не до него. Копаясь в памяти, я перебираю различные решения, на которые меня навели слова друзей. Магазинчик, а лучше несколько – это, конечно решение, но Свенн прав – пройдёт не менее года, прежде чем мы сможем пропустить через него всю сумму, даже если весь экипаж будет круглосуточно там что-то закупать. Да и что продавать? В любом случае, чтобы к нам не привязались местные налоговики и прочие, карательно-надзорные органы, нам самим придётся что-то купить, нечто, что после будем продавать. И продавать массово. А значит и закупать тоже контейнерами. А это – всё те же деньги и не наличные. Выход – продавать что-то такое, что мы можем изготовить сами, не закупая на стороне. А что мы можем? Да ничего.

Хм… В голове рождается образ магазинчика, где на вывеске красуется девица, в руках которой сверкающая пусто-

та.

«Ни-че-го» – гласит вывеска, а ниже появляется примечание: – «Мы ни-че-го не продаём! Спешите! Ограниченная партия идеального ни-че-го!».

– Бррр… – мотаю головой, пытаясь выбросить вот этот бред, но нарисованная красотка, соскочив с вывески, принимается танцевать, придерживая край платья, под которым, действительно ничего нет. Чёрт… Мне нужен отдых. Сначала в баре, а потом… потом…

Стоп!

Вывеска! И Пол говорил, что местные бандиты с нами могут договор на оформление витрин заключить. Так…так… Теплее… Оформление. Нарисовать… Блин! Ван Гахен! А кто, как не я его самый преданный эээ… последователь и подражатель?!

Идея окончательно формируется у меня в голове и я, вернув на лицо победную улыбку, щёлкаю пальцами, подзывая к себе Пола:

– Эмм… эээ… Пол, да? – Выпятив нижнюю губу, смотрю сквозь него: – А налей-ка ты всем чего покрепче, милейший. Мне – абсцента. Стакан. Нет, – шевелю в воздухе пальцами, рисуя сложные фигуры: – Нет. Лучше два, или… Ааа… Неси бутылку!

– Сэм?! Командир?! Мой…Мой Император? – Пятится он прочь, и я готов биться об заклад, что Свенн, не менее встревоженный чем он, уже вызывает сюда Никера – нашего

врача.

– С вами всё в порядке? Командир? – Голос главмеха звучит на фоне попискивания, сопровождаемого набор текста на коме: – Эээ… Командир?

– Господа! – Поднявшись на ноги хлопаю в ладоши, заставляя всех замереть: – У меня есть план, господа! План, посредством которого мы, – сбиваюсь. Чёрт. Общаясь с такелажниками напрочь отвык от витиеватых фраз, присущих истинному ценителю искусств.

– Короче, народ! – Грохаю кулаком о стол, в зародыше гася начавший зарождаться шум: – Есть у меня идея – выкрутимся. И да. Каждому своя роль будет. А пока, – киваю Полу, замершему рядом с бутылкой в руках, причём держит он её так, что не поймёшь – хочет он ей огреть меня по голове, или наполнить стакан: – Пол! Наливай! Не могу же я вернуться в погрязшее в конформизме общество, трезвым?!

* * *

Прежде чем набрать номер уважаемого и известного мэтра Симил, того самого эксперта, подтвердившего подлинность картин многострадального Гахена, нам всем пришлось изрядно потрудиться. Выбрав одну из пустующих кают нашего крейсера, мы провели более суток обдирая отделку её стен, но когда работа была закончена, то любому, увидевшему спартанский антураж, сразу бы стало ясно, что владелец

сего места либо испытывает серьёзные финансовые затруднения, либо – и это было моей целью, напрочь и полностью презирает мирские блага, отдав себя служению Мельпомене, всегда благосклонно относившейся не только к актёрам, но и к художникам.

Но не только стенам, полу, потолку и прочему пришлось принести себя в жертву искусству. Сменив капитанскую форму на вытертый комбез, с пятнами от масел и смазок, я, входя в образ, разлохматил себе причёску, а затем, отобрав у Пола бутыль с пронзительно зелёным содержимым – местным аналогом абсцента, сделал крупный глоток, пояснив коку, что мне, как гению, пусть и ещё не признанному, необходим определённый блеск в глазах, который должен будет подчеркнуть…

Что именно подчеркнуть, Пол, которому тонкое чувство прекрасного было явно чуждо, дослушивать не стал, предпочтя ретираду моей речи.

К слову сказать – местный абсцент оказался весьма и весьма заборист, быстро направив мои мысли в нужное русло.

* * *

Набираю номер и на экране появляется симпатичная девушка в строгом офисном костюме.

Ничуть не смутившись моему виду, судя по всему непризнанные гении стучались в эти ворота с завидным постоян-

ством, она быстро проворковала стандартную фразу о крайней важности моего звонка и о ещё более крайней занятости мэтра. Секретарь уже была готова прервать связь, когда я, подняв в воздух два пальца, заставил её на секунду смолкнуть.

– Ван Гахен.

– Рада знакомству, господин Ван… – счастливая улыбка, рождённая на её лице часами тренировок, сначала застыла, а после, неуверенно сползла с отполированного слоями косметики, личика.

– Вы… Ван… Гахен? – Неуверенно переспросила она: – Но он же… То есть вы…

Так. Я мысленно поставил красотке плюсик – специфику работы хозяина знает. Значит – не дура, что при такой очаровательной внешности – редкость. А может и не редкость – увы, но подобные дивы упорно обходили меня своим вниманием.

К немалому моему сожалению, разумеется.

– Это всё слухи, – отмахнулся я от слов: – Преувеличение и сплетни кредито… эээ… Завистников. Передайте старине Туринку, что…, – я махнул рукой: – Просто скажи, милая, мол Гахен, тот, что Ван, звонит. Хорошо?

Неуверенно кивнув она включила заставку, на которой красовался сам мэтр, держа перед собой «Корни», ту самую, последнюю, или предпоследнюю работу сгинувшего мастера.

* * *

Как и ожидалось, долго любоваться картиной, некоторое время висевшей в кают-компании моего Созвездия мне не дали.

Вернее, не дал. Ага, Симил, он самый.

Возникнув на экране, он внимательно посмотрел на меня не спеша начинать разговор. Ну да ладно, мы не гордые. В определённые моменты, конечно.

Вот в такие, как сейчас, например.

Отсалютовав ему стаканом, и немедленно влив в себя добрый глоток зелёного огня, я поморщился, а после, занюхав рукавом, расплылся в улыбке:

– Кого я вижу! Старина Туринк! Чем обязан? Чего хотел-то?

– Разве это не ты мне звонишь? – Поморщился метр, торопливо оглядывая крайне нищенское убранство каюты: – Денег одолжить не могу, эээ… Сэм? Сам – в крайней нужде, – развёл он руками и на его запястье сверкнули тусклым золотом часы, ценой так в пару сотен тысяч монет.

– Ты в нужде?! Ты? Мой старый друг?! – Постарался совершенно искренне возмутиться я, что, впрочем, было несложно при виде часов и той секретарши:

– Туринк! Сколько тебе надо, старина? – Я влил в себя ещё одну порцию ракетного топлива, почему-то менявшего

цвет. То оно было зелёным, то жёлто-оранжевым.

– Так ты не за деньгами? – Неуверенность, отчётливо прозвучавшая в его голосе, придала мне наглости, отчего я расхохотался, на сей раз совершенно искренне.

– Я?! За деньгами? За этой плесенью, пожирающей наш мир?! Что ты! Совершенно… – на несколько секунд мне пришлось смолкнуть, пропуская наружу рвавшиеся из глотки газы и Симил заметно расслабился, понимая отсутствие угрозы его финансам.

– Я это… Ну… Как оно, – заводил я рукой над столом, словно желая поймать порхавшие там слова: – Да. Я тебе их дать хотел. Плесень эту. У меня её, – выдвинув ящик стола, я вытащил наружу сразу несколько пачек банкнот: – Есть в общем.

– А как же это? Стены обшарпанные, мебели нет, – показал он на мою обстановку, явно видя её несоответствие тугим пачкам денег.

– Это? Это тлен! Ван Гахен жил так же, так к чему… момент, – я принялся наполнять стакан, но пролив приличную часть мимо, прямо на деньги, махнул рукой и отхлебнул прямо из горла.

– Понимаю, – закивал эксперт, не отводят взгляда от мокрых купюр: – Так ты мне ссудить хотел?

– Денег? Туринк! Ты что – обидеть хочешь?! – Моё возмущение было тоже искренним. Ну, я на это надеялся:

– Тебе? Моему другу и эту отраву? – Я взмахнул рукой

с бутылкой и немедленно поправил себя: – Не эту. Это – хорошо. Я про другую. Про…как их… А! Про деньги. Бабло, капуста, сечёшь?

– Ты извини, Сэм, – он покосился на часы, те самые, дорогие: – Но ты не мог бы покороче? Мне скоро на паперть идти – моё окно, чтобы милостыню просить, будет. Так о чём ты?

– Эх… Тяжко тебе, – вытираю слезу, выбитую этим прохвостом: – Ну да ничего, Туринк, ничего. Сейчас всё переменится. Знаешь, что у меня есть?

– Что? – Интерес, даже намёк на него полностью отсутствует в его голосе, но всё разительно меняется уже через несколько секунд, когда я, отвечая на его вопрос, произношу всего три слова:

– Личные вещи Гахена.

* * *

Уверен, протяни я ему стакан, прямо через экран, минуя миллионы разделявших нас километров, он удивился бы куда как меньше. В конце концов, есть же технологии, они развиваются, так почему бы и нет? Но эти мои слова, сказанные совершенно будничным тоном, заставили Туринка натурально окаменеть.

И да. Тот самый стакан, а лучше целая бутылка, оказалась бы ему сейчас ой, как кстати.

– Вещи Гахена? – Осторожно повторил он мои слова, тща-

тельно выговаривая каждое:

– Сэм? Ты ничего не… Не путаешь? Гахен сгинул.

– Да, – киваю, приподнимая стакан: – Помянем! Он был настоящим солдатом искусства! И погиб на боевом посту – за мольбертом! Дай и нам, Творец, такую смерть!

Судя по вину Турнинку такая перспектива ой, как не нравится, и он напряжённо кивает, на сводя с меня взгляда. Вернее сказать – с моей бутылки.

– Так… Ты что-то нашёл? – Осторожно спрашивает он, когда она опускается на стол, а я принимаюсь занюхивать пойло рукавом. Должен заметить, что после очередного глотка комбез стал пахнуть вполне достойно – в моей голове забродили, зашептали мысли немедленно послать и эксперта, и Гахена подальше и срочно сообщить миру о такой мировой закуске, как именно этот рукав.

– Ммм… Да, – приложив немалые усилия отгоняю эти мысли прочь: – Я нашёл тот астероид… Ну… Где он «Корни» писал. Да, – цепляюсь руками за стол – палуба ощутимо кренится, отчего я морщу лоб – что за хрень… Я же говорил пилотам висеть ровно… А они что творят?!

– Что… Что ты там нашёл? Сэм? – Лицо эксперта занимает весь экран, так ему не терпится услышать ответ, и я не оставляю его жажду без награды:

– Всё! – Исчерпав остаток сил в этом коротком ответе, проваливаюсь в черноту, едва успев ткнуть пальцем в кнопку прекращения связи.

* * *

Очнулся я в мед отсеке и первый, кто показался мне на глаза, был, конечно же Никер. Наш эскулап.

Похмелья, и всех обязательных тому симптомов не было.

Сев на койке, я осторожно помотал головой, но ни тошноты, ни головокружения, ни головной боли, просто обязанной сейчас доминировать в моём теле – ничего подобного не было и близко.

– Однако, – я с уважением посмотрел на врача: – Док! Вы превзошли самого…

– Детоксикация, очистка и переливание крови, – принялся он загибать пальцы, буравя меня неприятным взглядом: – Насыщение тела…

– Док! – Соскакиваю на пол: – А хочешь – я тебя поцелую? Это же чудо! После такой дозы я помирать собирался, а вы, ну док! Супер!

– Капитан, – его взгляд смягчается – видно, что мои слова пришлись по душе: – Настоятельно рекомендую впредь воздержаться от подобных возлияний. Я понимаю, что ради дела, – выставив вперёд руку, он не позволяет мне защититься: – И мы все, ваш экипаж, это ценим. Но всё же, Сэм! Нельзя так насиловать свой организм. Даже ради такой высокой цели. Не знаю, религиозный вы человек, или нет, – пожимает он плечами: – Но запомните, словно это заповедь – нельзя

столько пить! А тем более – без закуски!

– Док, – натянув комбез, поворачиваюсь к нему: – Как вы думаете, куда я попаду, если буду соблюдать все заповеди?

– В рай?

– В Раю я уже был, еле вырвался, – криво усмехаюсь, припоминая ту самую тюремную планету: – Сказать куда?

– Куда?

– В заповедник! Туда все, кто заповеди соблюдают, попадают.

* * *

За то время, что Никер приводил меня в порядок, Туринк звонил раз семь. И всё, как вы понимаете – безответно. Зато, когда я появился на его экране при восьмой попытке, наш эксперт едва не разрыдался от счастья.

– Ты как, Сэм? – Тоном заботливой мамаши проворковал он, внимательно разглядывая моё изображение: – Обошлось, – с явным облегчением констатировал он, не найдя на моём лице ничего такого, должного обозначить моё плохое состояние: – Ты хоть закусывай, – продолжил он и я мысленно взвыл, готовясь услышать очередную лекцию о вреде пьянства.

Нет, так дело не пойдёт. Беру инициативу в свои руки.

– Ближе к делу, Симил.

– Да, Сэм, конечно, – он покладист, как… Я даже не знаю

с чем сравнить его состояние, слишком оно позитивное: – Так… что ты нашёл?

* * *

А нашли мы много.

Наверное, стоило бы поставить слово нашли в кавычки, но, судите сами – в моём рассказе, в том, который я скормил Туринку, не было и капли вранья.

Да-да, именно так – правда, и ничего кроме неё, родимой.

Мы, действительно, нашли заброшенную шахтёрскую базу, покинутую в те самые годы, когда наш дорогой Гахен творил свои шедевры.

Мог он там быть?

А кто ж его знает. Этих баз – море. Чуть-чуть раскопок в архиве и пожалуйста, выбирайте любую. Вот мы и выбрали парочку – из числа тех, что были подальше от обитаемых мест.

Изыскания, или, если откровенно, копание в кучах мусора, оставленных безвестными шахтёрами, вознаградили нас несколькими артефактами, к которым наш гений, чисто теоретически, мог прикасаться. Если, конечно, он был именно на этой базе.

Что? Не нравится такой подход?

Ну так докажите, что Ван Гахена тут не было?

Ага? Молчите? Нет доказательств?

Вот то-то же!

В общем, как вы сами можете судить – я Туринку не врал. Ну… Может самую малость преувеличивал – так я же творческая личность? Увлекающаяся натура и прочая-прочая-прочая. Позволительно мне подобное.

Вернёмся же к артефактам, которых, как я уже говорил, было много.

Больше всего было камней. Угу. С того самого астероида, по поверхности которого некогда могли ступать ноги гения. Часть камней была с небольшими дырочками – их я с показывал эксперту с особой гордостью, рассказывая о творческих метаниях моего кумира, иссверлившего всю каменюгу в поисках лучшего ракурса.

Увидев, как благосклонно Туринк принял первую партию артефактов – камни ловили и сверлили всем экипажем, я вытащил на свет следующую, ещё более ценную добычу.

Кисти.

Кисти мэтра, которыми он творил свои шедевры.

Нет, конечно не целые. Обломки – опалённые космическими лучами, роль которых сыграл выхлоп маневровых и поломанные гением, в приступе творческого азарта. Кистей, т. е. обломков, было много – но все это было благополучно съедено Туринком, хорошо знавшего крайнюю нервозность Гахена, ломавшего кисти десятками.

Постепенно повышая градус редкости своих трофеев, следующим ему была предъявлена пустая консервная банка, да-

та на которой указывала, что сей продукт был выпущен за три месяца до дня, когда мэтр завершил свои «Корни».

Увидев банку Симил едва не расплакался. От счастья, разумеется. Кому как не ему было знать сколько бабла отвалит музей за артефакт, к которому точно прикасались руки гения.

А возможно и не только они.

Последним, что поставило точку в демонстрации добычи, попутно раздавив сомнения о подлинности всего продемонстрированного, был башмак.

Самый обычной башмак скафандра. Донельзя изношенный и выброшенный кем-то из шахтёров в связи с полной невозможностью дальнейшей носки.

Таких башмаков мы нашли несколько штук. К моему немалому разочарованию, все они были подписаны, все, кроме того экземпляра, что сейчас стоял на столе. Особо я расстроился, когда изучив подписи не обнаружил ничего, что хотя бы отдалённо походило на буквы «В» и «Г», которые можно было выдать за автограф мастера.

А жаль. О том, сколько могла бы стоить такая находка было просто страшно подумать, но не рисовать же самому проклятые буковки? Тут и особо продвинутым экспертом не нужно быть, чтобы определить новодел.

Так что да, жаль, но башмак я оставил как есть, лишь упомянув, что если он и не принадлежал самому Гахену, то именно его мастер изобразил на своём полотне с завтракаю-

щими шахтёрами.

* * *

Завершив этим демонстрацию находок, и, замечу, их красочное описание я смолк и тут уже в наступление перешёл эксперт. Высказав восторг, натуральный, высшей пробы, он предложил мне наилучший исход из сложившейся ситуации – а именно продажу всего… ему. За достойное вознаграждение, как же без него.

– Два миллиона, – глядя не на меня, а на разложенные по столу трофеи, предложил он с таким видом, словно я, потрясённый до глубины души его щедростью, должен был немедленно пасть на колени, благодаря своего благодетеля.

Увы ему – падать, а тем более рассыпаться в благодарностях, я не спешил. Наоборот – презрительно фыркнув, я потянулся к клавише разрыва связи, что он, внимательно, и как ему казалось – незаметно, следивший за мной, немедленно заметил.

Что же…

А дальше начался торг. Тот самый – отчаянный, бескомпромиссный, переходящий в крик и перемежаемый угрозами обоих сторон немедленно прервать связь. Признаюсь – мне, все эти артефакты были безразличны, я бы, при иных условиях, просто подарил всё это Симилу, но согласитесь – подобное обязательно бы вызвало вопросы, а потому я упи-

рался и боролся, как только мог.

Результатом, ожидаемым мной и приятным для эксперта, стала его безоговорочная победа. Туринк забирал себе шестьдесят два процента от средств, вырученных за продажу артефактов на аукционе. Более того – я гарантировал оплату услуг аукционного дома из средств, полученных в ходе торгов и подтверждал статус эксперта, как эксклюзивного получателя всех моих дальнейших находок.

Полный мой проигрыш, верно?

Да.

За исключением одного момента – Туринк, вместе с прочими экспертами, коих он обещал собрать, брался оценить мою картину, написанную точно та том же месте, где творил великий Гахен.

Сумма оценки была определена мной не ниже семи десятков миллионов, на что он, выпучив глаза, вынужденно согласился, прекрасно понимая, что вряд ли найдётся хоть кто-то готовый отвалить такие деньжищи за моё творчество.

* * *

Вот здесь – когда он мне прямо сказал, что продать этот шедевр за такую сумму нереально, вот честно – здесь мне было обидно.

Особенно принимая во внимание, что полотно, получившее столь низкую оценку Симпла, я действительно создал

сам, своими руками, потратив на шедевр более двух часов. И, не буду скрывать – я результатом – гордился.

* * *

Картина «Осознание» – представляла собой черно-фиолетовое поле, с множеством белых точек, которое пересекала почти прямая розово-синяя полоса, почти по центру которой я старательно изобразил… Нечто! Почти округлое и размытое.

А ниже, в стороне от неё, белый силуэт человека – как его рисуют дети – кружок головы, палочка тела и коротенькие обрубочки ручек-ножек.

Всё.

Шедевр перед вами, зря я что ли почти два часа над мешковиной страдал? Почему мешковина? А вы уже забыли про грубость мира и прочий бред, что в прошлый раз нёс наш дорогой эксперт?

А я не забыл.

Забегая вперёд, скажу, что эксперты и критики, действительно, долго спорили вокруг моего шедевра, так и не сумев прийти к единому мнению – а что автор, то есть я, хотел этим сказать.

* * *

Что же до меня, то когда меня спрашивали о замысле картины, то я, напустив задумчивость, отвечал что каждый должен сам осознать.

Что именно?

Да всё!

Нельзя же быть столь примитивным!

Осознать и пропустить через себя совершенно всё – вашу планету, систему, галактику – необходимо осознать решительно всё, понимаете?

А осознав – вернуться.

Как это куда?! К началу пути. Туда, откуда вы двинулись по тропе осознания. Как это не понимаете? Сложно? Ну, извините, творчество, особенно высокое, оно не перед всеми раскрывается!

* * *

Аукцион, устроенный стараниями Туринка, прошёл как по маслу. Следя за аукционистом я лишь диву давался как ловко, он расхваливает собранный нами на свалке хлам. Другим поводом для удивления являлась почтеннейшая публика, вступавшая в борьбу за обладание куском камня или той

жестянки, не имевшей никакой ценности.

Ну, это я так считал.

Угу, зная подлинную историю обретения этих, кхм, сокровищ. Цены, хочу заметить, были такие, что моя жаба, прежде недовольная условиями нашей с Турином сделки, то и дело хлопалась в обморок видя поистине космические цены. Так, тот же башмак, доставшийся представителю некого модного Арт-хауса, был продан за без малого сотку.

Миллионов!

А как иначе? Это же мог быть башмак Самого!!!

К слову, вся эта вакханалия, широко освещаемая на профильных каналах, удостоилась лишь краткого упоминания в серьёзных СМИ, которые вскользь заметили возвращение человечеству вещей великого Мастера.

М-да… Подобная картина – печалила. Кому как не людям, прежде сходившим с ума от возвращения утраченных шедевров, сейчас так же бурно радоваться появлению личных вещей мэтра?

Но увы.

Всем было пофиг и моя паранойя, немедленно пробудившаяся от дрёмы, немедленно свалило сей печальный факт на Древнего, всеми силами боровшегося против моей популярности.

Согласитесь, удобно, когда есть некто, на которого можно свалить решительно всё.

В результате, уж не знаю чьими стараниями – Древнего,

или банальной людской ленью, но аукцион прошёл без лишнего шума, чему, впрочем, я был рад, тоже не желая привлекать лишний шум.

Последнее, прежде всего, касалось моего шедевра, оценённого, как мы и договорились, в семьдесят два миллиона, о чём я сообщил аукционисту, притащив полотно с собой.

На немедленно последовавший вопрос – а не желает ли автор выставить своё произведение на торги, я лишь гордо улыбнулся, а после, пресекая начавший было зарождаться шум, объявил, что мои картины должны принадлежать всем, а не кучке толстосумов, спешащих утаить прекрасное от простых людей.

– А потому! – Мне пришлось сильно повысить голос, перекрывая выкрики, несколько оскорбительного содержания: – Я передаю полотно музею! Безвозмездно! Ради искусства и человечества!

Наградой мне послужили редкие хлопки, и, куда как более многочисленные жесты, истолковать которые можно было только как сомнения в моей вменяемости.

Да пофиг!

Картина, оценённая в семь десятков миллионов, с небольшим хвостиком, отправилась в планетарный музей, взамен одаривший меня справкой о пожертвовании.

Ага!

С указанной в ней суммой, которая, слава местным законам, освобождала вашего покорного слугу от уплаты нало-

гов со средств в вышеуказанном размере, прошу прощения за канцелярщину.

* * *

Остальное было делом техники.

Вызванные в ангар банковские клерки, лишь крякнули, увидев горы мешков, забитых купюрами разного достоинства. На их вопрос о происхождении средств была предъявлена справка о выставлении мною множества лотов и проведении открытых торгов, что позволяло мне положить средства в банк в любой удобный момент.

Скривившись, матеря в душе художника, сначала отказавшегося от безнала и потребовавшего наличку, а после изменившего своё решение, клерки, вызвав подкрепление, принялись за работу, и когда та, спустя неделю была завершена, предъявили мне счёт. По полной – и за свои услуги, и за налоги, взятые ими с меня по самой высокой планке.

Увы, но торжество в их глазах быстро угасло, стоило мне предъявить ту самую справку от музея, полностью очищавшую меня от подобных трат. Даже от уплаты услуг банка, так как предъявитель сего сделал благотворительный взнос планетарного масштаба.

Вы же не против благотворительности, господа?

Облом, короче.

Таким образом, спустя несколько недель, наш счёт был

пополнен кругленькой суммой со множеством нулей, сверх которой Туринк, честно выполнявший условия нашей сделки, перевёл ещё десяток миллионов, которые – банк был злопамятен, почти все ушли на комиссии, сборы, консультации и защиты, о чём было написано мелким шрифтом внизу моего заявления об открытии счетов.

* * *

Ну и плевать!

Главное – основная сумма была легализована и я, дав команду готовить крейсер к дальнему походу, сел в кабину Авроры, планируя провести следующую неделю на курортной планете в компании девиц, крайне мало соблюдавших нормы социальной ответственности.

Глава 3

Планета Бухтыр-Сыгыз, куда я направил свой кораблик, была известна всему человечеству, под иным, куда как более благозвучным, именем.

Радуга – так её не уставали называть авторы рекламных роликов, стоило только вам оказаться на канале, посвящённом отдыху, или распахнуть глянцевый журнал с привольно раскинувшимися в шезлонгах красотках.

– Спешите посетить!

– Память всей жизни – надрывались туроператоры, заманивая гостей в свои сети. И, стоит признаться, их усилия были оправданы, исправно направляя на Радугу неиссякаемые потоки отдыхающих.

* * *

Действительно, посещение этой планеты, стоило того.

Пояснять почему стоит начать с названия, да-да, того самого, неблагозвучного и, отметим отдельно, насквозь нецензурного.

– Бухтыр-Сыгыз! – Так, или почти так, выматерился первооткрыватель, чьё имя, сегодня, можно было раскопать, лишь значительно зарывшись в архивы первых послевоен-

ных лет. Его эмоции можно было понять – только закончились жаркие бои, человечество жаждало положительных эмоций и тут он, выскочив из прыжка, сделанного наугад, зависает над миром, где ласковый тёплый океан ласкает ленивыми волнами разноцветный песок пляжей.

Да-да! Именно так!

Классический, золотой песок, граничил с огненно-красным. Тот, устав насыщать море буйством страсти, уступал место небесно голубому, чтобы, в свою очередь, смениться нежно розовыми оттенками, за которыми исследователя ждали иные цвета, не исчерпываемые семёркой спектра.

Добавьте сюда идеальный, ровный климат, температура которого весь год держалась на двадцати восьми, плюс-минус один, редко полтора-два, градуса, мелкое, тёплое море, единственными обитателями которого были бледно жёлтые кораллы, и уверен, вы поймёте те чувства, что обуяли пилота, открывшего эту жемчужину.

* * *

Ну да, он, вот так прямо и сказал: – "Бухтыр-Сыгыз!", что цензурно можно было перевести как: – "Обалдеть, какая замечательная планета!", ну, или как-то так.

Понятное дело, что с таким названием, даже если его и не переводить, желающих понежиться на пляжах «Бухтыра», или, что ещё менее благозвучно «Сыгыза», будет мало. А

потому, заботясь исключительно о моральном облике человечества, и только ради его блага, планету стали называть "Радость Обретения", что, немного соответствовало эмоциональному окрасу возгласа того первооткрывателя. Но и это название не устраивало рекламщиков и вскоре "Радость Обретения" была сокращена до «РБ», а после, спустя совсем немного времени, буква «Б» волшебным образом изменилась на «Д». Виной тому была рассеянность одного из картографов, бывшего слегка глуховатым по причине преклонного возраста. Старика, конечно же пожурили и, что поделать – возраст, сплавили на пенсию. Отмечу, что злые языки утверждали о получении дедком солидной премии от туристического консорциума, но не будем же мы верить слухам, распускаемым гнусными завистниками!

В любом случае, теперь планета именовалась «РД», а для простоты, в скобках, указывалось её нынешнее название – «Радуга», так хорошо подходившее и для запоминания сокращения, и в рекламных целях.

* * *

Теперь, когда краткий экскурс в историю этого мира окончен, перейдём непосредственно к планете.

За прошедшие годы мира здесь, на Радуге, или, как её ещё иногда называли – "Далёкой Радуге", подчёркивая элитарный статус этой планеты, туристические монстры крепко за-

рыли свои щупальца в нежный местный песок.

Здесь можно было решительно всё.

Только плати, разумеется. И, хочу заметить, слово «всё» действительно полностью соответствовало своему значению.

Приехали с детьми? Нет проблем! Водные аттракционы вашим чадом, освежающие прогулки на катере для вашей половинки и свежайшее ледяное пиво этому уважаемому господину!

Вы влюблены? Чудесно! Несколько тысяч укромных островков, удалённых от шума толп отдыхающих подарят вам незабываемые моменты, вознося вашу близость до поистине космических высот!

Замотаный, затюканный начальством клерк, едва скопивший на поездку? Бизнес-леди, уставшая от тупых и нерасторопных подчинённых? Спешите сюда! Спешите, и будьте уверены, что именно здесь вы встретите родную душу, готовую не только выслушать вас, но и распахнуть объятья, спеша неутомимой страстью стереть из вашей памяти любые негативные мысли и мыслишки.

Угу.

Только так и никак иначе! Если деньги имеются, конечно.

* * *

Деньги у меня, как вы понимаете, были. Создав отдельный счёт, я перевёл на него пару миллионов – ну, сначала, хотел

один, но после, разглядывая рекламные ролики, перевёл два, решив, что имею на это полное право. А разве не так? Кто, в конце концов, отмыл честно экспроприированное бабло, пожертвовал миру искусств свой шедевр?!

Я.

Так что – имею право. И, замечу, лево тоже. А также и все остальные дирекции, положения и всё прочее, имеющее хоть малейший шанс порадовать усталого труженика.

Это я всё про себя, если кто не понял.

* * *

Но, пора перейти и к самому отдыху.

Начался он, должен признать, феерически. Едва мой кораблик опустился на плиты космодрома, как оживший динамик сообщил, что уважаемого гостя, почтеннейшего Светозарова, с нетерпением ожидают у выхода номер десять.

Долго ломать голову над тем, кто именно меня там ожидает, мне не пришлось – едва я выбрался из Авроры, как мне на голову обрушился дождь, да что там дождь – метель, из ярких цветочных лепестков, которыми меня, весело хохоча принялись забрасывать длинноногие и весьма фигуристые красотки, облачённые в такие легчайшие купальники, что будь мои моральные устои несколько, кхм, выше и крепче, то я бы, безусловно, возмутился лёгкости местных нравов.

К счастью, мои устои, будучи соответствующего уровня, не пострадали и я, расплывшись в довольной улыбке, позволил девицам усадить меня в поданную к кораблю машину, которая немедленно умчала нас в сторону моря, волны которого ласкали песок насыщенно золотого цвета.

Причина такого обхождения была ясна как день – ещё на подходе к планете, выйдя на связь с диспетчером, мне пришлось ответить на добрый десяток вопросов, девяносто девять процентов которых касалось моих предпочтений по отдыху.

Понятно дело, что будь я нормальным туристом, то на все эти вопросы я бы ответил заранее, ещё в перелёте заполнив различные анкеты и опросники. Ну а так как я свалился к ним как снег на голову, то диспетчеру пришлось попотеть, выкачивая из меня нужную информацию. Так вот, один из вопросов, с извинениями заданный мне прямо в лоб, касался суммы, которую я готов потратить на свой отдых. Конечно, в анкетах и прочем, подобное было хитро завуалированно и размыто в потоке прочих вопросов, но тут, что поделать, запрос был прямым – время, отпущенное на подготовку очередного гостя, поджимало. Юлить я не стал, честно сообщив о наличии у меня двух миллионов и о своей готовности потратить не менее половины. Не стал я и спорить, когда тот же ангельский голосок попросил меня перевести всё тот же миллион на депозит курорта. Что бы финансовые вопросы не мешали отдыху, пояснила диспетчерша.

Деньги я перевёл, несмотря на явное недовольство своей жабы, посчитавшей всё происходящее – мошенничеством и требовавшей только пост оплату по факту оказанных услуг.

Что поделать – пришлось малость придавить это земноводное, отчего та, горестно вздохнув, уселась на свою кочку. Ещё раз вздохнув, она вытащила откуда-то сзади чёрно-жёлтую книжку, название которой гласило: «Как развести лоха. Руководство для чайников», и принялась вдумчиво изучать её содержимое, время от времени бросая на меня оценивающие взгляды.

Да и пофиг!

Не буду спорить – головой я понимал, что вся нежность, ласка, забота и многое-многое прочее, водопадами обрушивавшееся на меня, оплачено моими же деньгами, и что девушки всего лишь качественно исполняют свою работу, но… К чёрту разум! Мне было хорошо – а чего ещё желать, особенно после тех условий, того ада, в котором я пребывал совсем недавно! В общем, я наслаждался жизнью точно, как та мышь, что забралась в круг сыра.

Уединённые островки сменялись пляжами, заполненными ровно настолько, чтобы я не забывал об остальном человечестве. Подводное плавание чередовалось с парусными походами, спланированными так, что, пристав к очередному островку и проведя романтическую ночь у приятно потрескивавшего костра, уже на следующее утро взойти на борт роскошной яхты, весь экипаж которой составляли сговорчи-

вые красотки высшей пробы.

Отдых был великолепен. Признаюсь, я даже и не представлял, что подобное возможно в принципе, и плевать на то, что всё вокруг было ненастоящим, а купленным на мои деньги.

Мне было хорошо, а это главное – разве не так?

Такое блаженное ничего не деланье продолжалось две недели. У меня оставались ещё полторы, отмерянные мной под отдых, как вдруг события приняли совсем иной оборот.

* * *

В тот день моя особа, сопровождаемая тремя девушками, изволила отдыхать на пляже, песок которого был чёрно-фиолетового цвета. Ленивый лазурный прибой, красивые тела подруг, резвящихся в волнах у берега, чёрный контрастный фон берега – я наслаждался видом потягивая неизвестный, горько-сладкий коктейль, смешанный оставшейся при мне девушкой и лениво строил планы на вечер, перебирая в памяти прошлые развлечения.

Надо было придумать нечто новое, неиспробованное ранее, но голова, отупевшая и разленившаяся, категорически не желала соображать, отказываясь одарить меня чем-то эдаким. Я был уже готов разозлиться, на себя конечно, как вдруг за моей спиной послышался скрип песка. И скрипел он совсем не так, как под лёгкими шагами моих подружек. Нет. Если прежде скрип был лёгким и многообещающим, если,

конечно, так можно сказать, то сейчас песок возмущённо визжал, протестуя против тяжёлых шагов, едва не превращавших его в плотный песчаник.

Хм…

Поёрзав, поудобнее устраиваюсь в кресле, ожидая нового развлечения. Сомнений нет – организаторы моего отдыха, несомненно хорошо изучившие человеческую природу, подготовили мне новое развлечение, точно предугадав момент, когда пресытившийся всем прочим гость начнёт скучать. Интересно – а что именно они придумали? Приключение с бандитами, желающими похитить моих девиц? Чтобы я их героически спас, получив точно дозированную порцию адреналина? Или меня похитят? И мне предстоит побег из мрачных застенков, с хорошо отрепетированными драками, стрельбой и прочим? Интересно…

Пригубляю коктейль и закрываю глаза в ожидании нового шоу.

Ждать приходится недолго.

– Господин Светозаров? – Тень падает мне на лицо, отчего я недовольно морщусь, на миг уподобляясь ветхозаветному цинику.

– Вы мне солнце загородили, – продолжаю морщиться, не открывая глаз: – Отойдите.

– Простите, – на смену первого голоса, полного жёстких властных ноток, приходит второй, куда как более мягкий и вежливый. Угу, эта игра – хороший и плохой собеседник,

мне знакома. Что ж, поиграем.

Тень исчезает, отчего я, расплывшись в довольной улыбке, чуть приподнимаюсь в своём лежаке, поднося ко рту стакан с коктейлем.

– Вы же – Светозаров, пилот, верно? – Продолжает второй голос, в то время как первый продолжает терзать песок тяжелыми шагами.

– Верно, – легко соглашаюсь со вторым, не видя смысла в отрицании очевидного: – Семён Светозаров. А в чём дело?

– Светозаров! – Звук, предшествующий голосу первого более всего, походит на то, как если бы один человек, потянул другого в сторону, схватив за край одежды. Сильно схватив и сильно же потянув.

– Встать! Когда разговариваешь с офицером!

Ого! В тоне первого появляются визгливые нотки раздражения, и я открываю глаза, спеша оценить актёрское мастерство человека, столь самозабвенно играющего свою роль.

Хм…

Передо мной стоят двое, облачённые в военную форму флотского образца. Не парадную – повседневную, перетянутую ремнями портупеи, поддерживающей массивные кобуры с торчащими наружу рукоятями пистолетов.

Боевых. Уж что-что, а отличить муляж от оригинала я могу.

– Встать! – уже не скрывая своего раздражения, орёт на меня первый, судя по знакам различия – полковник. Вто-

рой, капитан, или, если говорить на флотский манер, капитан-лейтенант, стоит чуть в стороне, предпочитая разглядывать красавицу, смешивающую мне новый коктейль.

Что, парень, завидно? А ты поработай как я, глядишь, и тебе обломится.

Вслух, я, естественно, ничего не говорю, да и не смог бы, даже если бы захотел – полковник, пардон – капитан первого ранга, увидев, что я открыл глаза, продолжает свою атаку, вопя, как мне кажется, на весь пляж:

– Встать, пилот! Встать! Тебе! Оказана! Честь!

– Что правда? – Принимаю готовый коктейль и, подмигнув красотке, отчего та весело, пусть и немного натужено смеётся, делаю небольшой глоток, переводя взгляд на капраза: – И что именно? Ну? Мне? Того?

– Тебе! Присвоено звание лейтенанта! – Багровый капраз выплёвывает эту новость мне в лицо: – И ты…

– Спасибо, не интересно, – сделав ещё глоток ставлю стакан на столик: – Спасибо, конечно, но я пасс.

– Что?! – Взрёвывает первый, багровея так, что любая звезда класса красный карлик немедленно бы превратилась в чёрную дыру. От зависти, конечно:

– Тебе Родина…

– Простите, – каплей, осторожно оттесняет капраза в сторону, а красотка, уловив мой лёгкий кивок, подаёт ему стакан с холодной водой.

– Спасибо, – благодарит меня каплей, сглатывая и прово-

жая взглядом запотевший стакан:

– Дело в том, господин Светозаров, что вы, как военный, кадровый и ветеран, должны…

– Не должен! – Рублю воздух рукой: – Никому и ничего! Я в запасе! Свободны!

– Но вы уже призваны, – виновато разводит он руками: – Вот, посмотрите, – из плоской сумки, свисающей с его бока, каплей достаёт пластину планшета и, немного поколдовав над ней, протягивает его мне.

– Не видно тут ничего, – сев, беру его в руки и пытаюсь разглядеть едва заметные при ярком солнце строки. Там явно что-то написано, причём – про меня. Уж что-что, а свой портрет, разместившийся в верхнем правом углу, я узнаю даже при таком освещении.

– Яркость повысить надо, – виновато вздыхает каплей: – Оборудование старое, вы же понимаете – у нас с финансированием не очень. Вы ладонь прислоните, – кивает он на экран: – И ей вверх проведите, должно поразборчивее стать.

– Как скажете, – пожимаю плечами, прикладывая ладонь к экрану, отчего тот ярко вспыхивает, но тотчас гаснет. Всё, что я успеваю разобрать, так это портрет – он действительно мой и плотный, без пробелов, текст, озаглавленный короткий словом: «Контракт».

– Что за… – начинаю я, но каплей быстро и ловко выхватывает планшет у меня из рук, резво пятясь назад.

– Молодец, пилот! – На смену ему ко мне подходит ка-

праз: – Нет препятствий патриоту, спешащему исполнить свой долг!

– Че-го? Вы, что? Сдурели?! Какой долг?! Что тут вообще происходит!

– Как какой? – Насмешка в голосе капраза столь явная, что последняя надежда на безобидный розыгрыш турагентства, мигом испаряется из моей головы:

– Ты, только что, добровольно и в присутствии свидетелей, – кивает он на девушку, замершую у своего столика:

– Подписал контракт-заявление с просьбой зачислить тебя добровольцем. Так что, – одёргивает он китель: – Встать! Транспорт ждёт у отеля! Встать! – В его руке появляется небольшой хлыст, которым капраз готов промотивировать меня.

– Я?! Подписал?! – Поднимаюсь на ноги, чувствуя опустошённость и понимая, что на сей раз я влетел во что-то крупное:

– Но… Что происходит-то?!

– А то, – каплей, подойдя ко мне, смотрит прямо в глаза, словно невзначай положив руку на кобуру:

– Что война у нас, пилот, – он легонько подталкивает меня в сторону окружённых деревьями зданий отелей.

– Как…война? С кем?

– С жабами, пилот. Неделю назад они перешли в наступление.

* * *

Авианосец "Длань Гнева", ставший моим домом спустя пару недель, относился к классу «Победитель», созданному незадолго до окончания Первой Жабьей.

Тогда, почти три десятка лет тому назад, он, действительно, был грозной силой, готовой перевернуть исход любого, пусть даже провального сражения.

Пять сотен бортов, отменная броня, великолепное оружие – «Победители» были лебединой песней Империи, спетой, но так и не побывавшей в реальном бою.

* * *

Последующие десятилетия мира оказались для этих кораблей куда как опаснее гипотетических сражений – обречённые на долгий простой, частично законсервированные, а частично, или даже не частично, а большей частью разворованные, почти все гордые красавцы погибли в своих доках, брошенные за ненадобностью.

Вспомнили о них только сейчас, когда орды земноводных, массово вторгшихся на территории человечества, легко опрокинули пограничные силы, принявшись захватывать оставшиеся без какой-либо защиты, планеты.

Кантоны, чьи правители были близки к панике, немедленно принялись расконсервировать оставшиеся в запасниках силы, но результат был очевиден – неготовность сохранённых на всякий случай кораблей была чудовищной. Так, наша «Длань» была собрана из частей, снятых не менее чем с четырёх своих собратьев, так и не сумевших проснуться после долгого мирного сна.

Снятые с них модули притащили сюда, где, их худо-бедно подогнали к друг-другу, а получив приемлемые результаты тестов, облегчённо выдохнули, немедленно выпинав авианосец из дока.

А что такого?

Модули работают? Некоторые даже в половину проектных мощностей?

Так вперёд! Коварный враг ждать не будет! В бой!

Впрочем, и мне, и остальным, оказавшимся на борту, можно сказать, повезло. Наш авик, в отличии от других кораблей, хоть и был собран на "живую нитку", но всё же обеспечивал вполне комфортное существование.

Воздух, освещение, гравитация – всё это было исправно.

А ведь были борта, где экипажам приходилось не только не вылезать из скафандров, опасаясь разгерметизации, но и большую часть времени бороться с пожарами, или устранять короткие замыкания.

Так что – с этой точки зрения нам повезло.

А вот не повезло с другой.

* * *

Выше, я уже упоминал, что на "Длань Гнева" меня направили только спустя две недели. Официально, всё это время было затрачено на переподготовку, так, по крайней мере значилось в табелях, розданных и мне, и другим пилотам, так же, как и я, совершенно добровольно, ринувшимся на защиту родных домов.

Угу. Исключительно добровольно. Точно, как и я – вот просто один в один. Визит офицеров, любой предлог приложить руку и – Хоп!

Нет препятствий патриоту! Слава тебе!

А при попытке побега – огонь на поражение.

Гребли всех, и, в первую очередь, ветеранов, сумевших дожить до этого дня. Таких была примерно половина, а вторую составляли патриотически настроенные юнцы, ставшие жертвой раскрученной пропаганды. Необученные, необстрелянные, их принимали без счёта, разбавляя рвущихся в бой малолеток опытными ветеранами.

Так вот.

За те две недели, на тренажёре, должном помочь вспомнить мне боевые навыки, я был не более двух раз. Причём на первом своём вылете, всё, что от меня требовалось, так это взлететь, пролететь по кругу, и сесть на площадку. Не вписаться в щель ангара, не посадить истребитель посреди

отмеченной зоны, а, всего лишь сесть на просторное посадочное поле.

Мой второй тренажёрный вылет, случившийся через пару дней, позволил мне расстрелять тройку мишеней, неподвижно висевших в пустоте. И – всё!

Ага, именно так.

– Летать, стрелять умеешь, – констатировал старший офицер, так и оставшийся для меня безымянным: – Следующий!

Впрочем, признаю – молодёжь гоняли чуть больше, натаскивая их и на удержание строя, и на заход в атаку за ведущим, и на ту же самую посадку, когда надо было протиснуться в щель ангара, пролететь к нужному месту и, не забыв выпустить шасси, сесть в пределах отмеченной зоны. Можете считать меня старым ворчуном, но вспоминая свои годы, проведённые в академии, где нас натаскивали всему, что могло пригодиться… А хотя чего врать – кто как не я в свои первые самостоятельные вылеты, забывал убрать шасси? Угу. Я. А эта молодёжь – не забывала. Так что – не всё так плохо. Ну, я надеюсь.

* * *

А вот когда я выбрался из кресла, уступая место молодому парнишке, вот тут меня ждал самый настоящий сюрприз.

Всё тот же офицер, внезапно вытянувшись по стойке смирно, протянул мне объёмистый пакет и громогласно, на

всё помещение, объявил, что пилоту Светозарову не только присваивается звание старлея, но и возвращаются все боевые награды, утерянные им за годы мира.

* * *

Момент был выбран удачно – глаза мальчишек, толпившихся вокруг вспыхнули и уважением, и откровенной завистью.

Как же! И старлей, и награды, среди которых я, к немалому своему удивлению, увидел и "Звезду Победы" – положенную бойцу, бывшему на службе при окончании войны, и "Скорбь Империи" – медаль, выдаваемую только тем, кто был в том самом секторе где погиб Император, в момент его гибели. Про целую пригоршню юбилейных медалей, посвящённых годам мира, говорить не буду – их было много. Не забыли и про мои, с позволения сказать, «медийные» медали. Я про те, о которых сообщали в СМИ, когда картинами Гахена занимался.

Не забыли ничего – в свёртке, кроме уже упомянутых наград, было и Серебряное крыло, и шеврон за пять побед в космосе, и Зелёный шеврон пехотного штурмовика. Не забыли и про жёлтый кант за контузию с Серебряным Диском Защитника Человечества. В общем – комплект был полным, да таким, что даже я, что уж говорить об остальных, обалдел, разглядывая блестящие медальки и знаки, ровными рядами

приколотые к бархатной подушке.

Протестовать, или спорить обо всех этих наградах, я не стал.

К чему?

Если система засосала тебя в свои жернова, то проще расслабиться и искать щёлочку для побега. А встанешь против – перемелет в пыль и спасибо, если не лагерную.

Проходили уже.

Так что все награды, как и повышение звания, я принял с благодарностью, прекрасно осознавая всю незаслуженность и того и другого. Но не спорить же? Тем более, что большую часть времени мы проводили в агитационном зале, где нас идеологически накачивали ненавистью к земноводным.

Да, именно так.

* * *

Вместо того, чтобы полировать свои боевые навыки на тренажерах, мы часами выслушивали лекции о гнусной жабьей сущности, об извечном коварстве земноводных и о желании солдат этой амфибийной расы надругаться над нашими матерями, подругами и остальными девушками, попутно закусывая расчленёнными младенцами.

Бред, скажете вы?

Он самый, но хорошо срежиссированный и снятый. А уж что-что, а снимать ролики здесь умели. Порой на экране про-

исходило такое, что даже мне становилось не по себе, а наших юных патриотов прямо-таки выворачивало наизнанку.

И весь этот пропагандистский бред чередовался победно-тревожными реляциями с фронтов.

Да – именно такими, после просмотра которых наши юнцы, веря увиденному, рвались на передовую сильнее прежнего, спеша принять участие в череде тяжёлых, но всегда победных боёв.

* * *

Новости, экстренными выпусками которых, нас кормили каждые четыре часа, однообразно-пафосно вещали о череде побед, демонстрируя то поля сражений, полные мешаниной разбитых кораблей, то ровные, как на параде, линии сил флота, уходящих в очередной бой.

Слушая восторженные скороговорки дикторов, создавалось полнейшее впечатление, что до победы оставался один шаг, один, ещё один, ну два решительных удара и всё!

Жабы дрогнут, побегут, и…

И Победа озарит своим светом славы достойных! Лишь бы успеть! Так, и никак иначе!

И это, к моему сожалению, была не шутка. Именно так рассуждал наши мальчишки, насмотревшиеся новостей. Вот только, сколько бы они не пялялись на экран, едва не пуская восторженные слюни при перечислении наград, доставших-

ся героям-защитникам, видеть другую сторону противостояния парнишки никак не желали.

А я, да и другие ветераны, выходившие на перекур с мрачными мордами, мы – видели.

И касалось это отнюдь не побед.

Чем сильнее трубили с экранов о героизме флота, тем больше значков, обозначавших на карте миры людей, гасли, исчезая из поля зрения. И, что хуже всего, потерянные системы просто вычёркивались из списка, не удостаиваясь и малейшего упоминания в сводках новостей.

Мы, ветераны, к числу которых я себя причислял, подобные моменты не обсуждали, прекрасно понимая, что у стен есть уши, да и попробуй кто-либо из нас открыть глаза молодым – не поймут, покрутят пальцем у виска, в лучшем случае, а в худшем – обвинят в пораженческом настроении, хрен после отмоешься.

Так что мы – молчали, ожидая перевода в действующий флот. А там видно будет – кому что на роду написано.

* * *

Сами занятия, можно сказать, проходили спокойно. Не скажу за других, а мне даже нравилось дремать под речи агитатора, механически кивая головой каждый раз, когда он повышал голос, возвещая очередную истину, должную настроить всех присутствующих на патриотический лад. Как

по мне, то всё это было излишним, скажу даже более – вредным.

Почему?

Поясню.

Наши мальчишки, и без того рвавшиеся в бой, теряли последние крохи разума, воспламенённые грамотно построенными речами и роликами. Глядя на них, я только качал головой, мысленно, конечно. Эмоции в бою – роскошь. Азарт, гнев, страх – поддайся им и считай себя покойником. И не то страшно, что тебя собьют – плевать, ресалки работают, а то, что ты, бездарно сдохнув, подведёшь своих товарищей, ну и так далее, чего тут объяснять, и так всё ясно.

Но речи были хороши, не спорю. Порой и у меня сжимались кулаки, когда наш оратор принимался расписывать зверства земноводных. Головой-то я понимал, что всё услышанное – бред, но вот душой, слушая мастерскую игру эмоций и тона, нет-нет, да пробивало даже меня.

Выход был один – не слушать.

И вот тут – сон, самый обычный, знакомый любому курсанту, стал моим спасением.

Внимательно нахмурившись и засунув в рот, словно от волнения, кончик карандаша, я дремал все долгие часы, отведённые расписанием на агит-занятия.

Однако не надо думать, что наш агитатор был новичком, которого так легко провести. Нет, это был тёртый калач, и стоило мне задремать в первый раз, как он, выждав для вер-

ности с десяток минут, обрушился на меня, желая преподать урок, как и зарвавшемуся ветерану, так и молодёжи, и без того слушавшей его раскрыв рты.

– Пилот Светозаров! Встать! – Рявкнул он в тот момент, когда я чувствуя сладкую истому освобождал от излишков одежды одну из своих спутниц с Радуги.

– Я! – Вскакиваю, не дожидаясь толчка бдительного товарища, сидящего рядом.

– Спите?

– Никак нет, господин инструктор! – Вытягиваюсь по стойке смирно: – Весь внимание, господин инструктор!

– Что? Правда? – Победно ухмыльнувшись, он направляет мне в грудь свою указку.

– Так точно!

– А скажите, Светозаров, – ухмылка на его ширится, живя своей жизнью: – О чём я только что говорил?

Агитатор доволен. А как же – сейчас залётчик должен смешаться, покраснеть и пытаться лепетать какой-то несвязанный бред, в тщетной попытке обелить себя.

А вот фиг тебе! Не на того попал!

– Рвать жаб! Господин инструктор! – Выпячиваю грудь и, закачав в себя побольше воздуха, выкрикиваю ответ, едва ли не громче него:

– Везде! В пустоте и на поверхности! Бортовым оружием и личным! Нет его – руками, зубами – всем, чем природа одарила нас! Рвать! Жечь! Истреблять! Точно так, как вы и

говорили, господин инструктор! На…

– Эээ… Довольно, пилот, – победная улыбка сползает с его лица: – Ваше эээ… Рвение похвально, Светозаров. Но я не об этом говорил.

– Так я про суть, господин инструктор! Про смысл нашей жизни! Про то – ради чего мы все…

– Садитесь, пилот, хорошо.

– Есть! – падаю на своё место и немедленно возвращаясь мыслями к красотке, всё ещё слишком одетой.

Более, наш агитатор, меня не дёргал, предпочитая отлавливать менее расторопных товарищей, рискнувших пойти по моему пути. Кто-то попадал в его сети, начиная виноватым тоном мямлить что-то невразумительное, кто-то пытался подражать мне, но, признаюсь, я за всем этим не следил, заготовив в голове новые комбинации ответов.

* * *

В таком, большей частью дремотном состоянии, я и провёл всё время, отведённое нам на моральную подготовку. Не могу сказать, что сильно страдал. Еда были приличной, койки в меру мягкими, жужжанье агитатора – терпимым. Вот честно – я б не отказался и дальше так жить, если бы только не мысли о своих товарищах на крейсере и нашей базе.

Начну с нашей базы. Так проще, потому как рассказывать о ней особо и нечего.

* * *

Не спорю, с ней нам повезло.

Довольно крупный астероид, в котором инженеры Империи пробили массу ходов и помещений был идеален для долгосрочной базы. Лёд, смёрзшиеся газы, всё это легко решало проблемы дыхания и всего прочего, вплоть до орошения теплиц, так же обнаруженных в недрах каменюги. Исправны были и механизмы – что шлюз с доком и ремонтными манипуляторами, что системы защиты и всё прочее – реакторы, радары, освещение, всё, совершенно всё было исправно и завелось с первой попытки, приведя Свенна в состояние радостного изумления.

Но на этом, к сожалению, плюсы нашей базы и заканчивались.

Минус, и при том, огромный, заключался в том, что она была пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.